

6612

СИДНЕЙ КИНГСЛЕЙ

ЛЮДИ
В БЕЛЫХ
ХАЛАТАХ

ИСКУССТВО

R. 41

Сидней Кингслей

Люди в белых халатах

Пьеса в четырех действиях, семи картинах

Перевод с английского и переработка
ИЛЬИ РУБИНШТЕЙНА

НБ ПНУС

6612

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО

Москва — 1938 *R*

66127

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Профессор Гордон — главный врач госпиталя.

Профессор Хочберг — старший врач хирургического отделения.

Доктор Фергюссон — ординатор.

Мистер Гудсон — богатый пациент.

Лаура Гудсон — его дочь, невеста Фергюссона.

Барбара Денинг — медицинская сестра.

Доктор Кунингам — доцент.

Доктор Рени
Доктор Шорти
Доктор Питт

} врачи госпиталя.

Доктор Левинг — частный врач.

Доротти Смит — юная пациентка.

Миссис Смит — ее мать.

Мисс Джемсон — сиделка.

Мистер Хоутон
Мистер Спенсер
Мистер Раммонт

} члены правления госпиталя.

Миссис Андруни — мать пациента.

Сестры, санитары, секретарь, парикмахер.

Действие происходит в стенах крупного нью-йоркского госпиталя.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Библиотека госпиталя. Большая комната с широкими окнами. заставленная книжными полками. Посредине сцены стеклянная дверь; видна часть коридора, по которому часто проходят сестры и ординаторы, что составляет заметный контраст с тишиной внутри библиотеки.

Профессор Гордон разговаривает с доктором Ренном. Входит профессор Хочберг, энергичный человек, большая голова покрыта волнистыми седеющими волосами. Он ведет себя спокойно, с достоинством, создавая впечатление силы и доброты.

Гордон. А, Хочберг! Я как раз поджидал тебя... *(Идет к Хочбергу.)* Хочу проконсультировать с тобой одного больного...

Хочберг. Сделай одолжение... Мы посмотрим его через минутку... Я только... *(Оглядывает комнату.)* Что, доктора Фергюссона здесь не было?

Ренн. Нет, профессор... Позвать его?

Хочберг *(кивнул головой)*. Пожалуйста.

Ренн уходит.

Гордон. Я слышал, у тебя есть несколько новых интересных случаев...

Хочберг. Да, кое-что есть.

Гордон. Ты в своей клинике делаешь прямо чудеса. Она — украшение госпиталя.

Хочберг. Зачем комплименты, Гордон? Если в твоих словах и есть доля истины, то это заслуга молодых. Моя ставка — на талантливую молодежь.

Гордон. Да, этим мальчишкам легко! теперь работать... Анестезия, стерилизация, рентгеновские аппараты... Какой прогресс с тех пор, как мы были в их возрасте! В наши дни аппендицит еще был смертельной болезнью.

Хочберг. Не беспокойся за молодежь, Гордон. Такие люди, как Фергюссон, еще удивят всех нас.

Гордон. Я вижу, ты попрежнему неравнодушен к нему.

Хочберг (мягко). У меня нет своих детей, а Фергюссон славный парень.

Входят Ренн и ординатор Фергюссон, останавливаются в дверях библиотеки. Джордж Фергюссон — молодой человек лет двадцати восьми, высокий, широкоплечий, слегка сутулый, приятное, выразительное лицо, серьезный взгляд и мальчишеская улыбка.

Фергюссон (Ренну). В данном случае рентген, я думаю, может помочь.

Ренн. Ты считаешь, что стоит попробовать?

Фергюссон. Да... Возьми сейчас же больную в операционную и удали окружающую мертвую ткань.

Ренн уходит.

(Входит в библиотеку. Хочбергу.) Доброе утро, профессор.

Хочберг. Доброе утро, Джордж.

Фергюссон. Я зашел утром в архив... Первые сорок пять случаев, проверенные мною, кажется, подтверждают ваше мнение...

Хочберг (улыбаясь). Да?

Фергюссон. Правда, остается просмотреть еще триста с лишним карточек, но...

Гордон. О чем это вы?

Хочберг. Мы с Фергюссоном проводим одну исследовательскую работу... У меня возникла новая идея по по-

воду техники удаления предстательной железы... Фергюссон сейчас пишет целую диссертацию, пытаясь доказать, что я прав.

Фергюссон. На самом деле это профессор Хочберг пишет всю работу. Я только подбираю и привожу в порядок черновой материал.

Хочберг. Оставь, Джордж... Ты выполняешь самую трудную часть исследования... Что бы я вообще делал без тебя? Послушай, Гордон... Я обращаюсь к тебе как к главному врачу госпиталя. Так дальше продолжаться не может. Наше правление ставит всяческие препятствия моей научной работе. Мне не дают ни людей, ни средств, ни даже времени. Чтобы закончить начатую серию опытов, Фергюссон вынужден просиживать целые ночи напролет...

Фергюссон (живо). Это неважно, профессор.

Хочберг. Нет, очень важно... Откровенно говоря, у нас стало просто невозможно заниматься наукой.

Гордон. Опять жалобы, старый ворчун? Ведь ты же прекрасно знаешь, что в смете нашего госпиталя уже несколько лет не предусматривается ни одного цента на научные работы... Ну, чем же я могу тебе помочь?

Хочберг. Все это так. Но неужели ты не понимаешь, что без упорной, глубокой научно-теоретической работы наш госпиталь постепенно превратится в шарлатанскую лавочку? Мы же отстаем, деквалифицируемся... (Махнув рукой.) Впрочем, к чему я все это говорю? Ведь не мы с тобой хвзяева здесь. А им, настоящим хозяевам, им решительно наплевать на науку. (Фергюссону.) Что нового сегодня? Как двести семнадцатый?

Фергюссон. Ночью был довольно беспокоен, но сейчас температура опустилась до нормальной.

Хочберг. Хорошо... А в верхнем коридоре, третья кровать?

Фергюссон. Ну, этот молодцом. Попросил даже глоток виски.

Хочберг (улыбаясь). О, он будет в порядке...

Фергюссон (смеется). Он уже в порядке.. Я дал ему этот глоток...

Хочберг (тоже смеется). Что ж, ему не повредит.

Фергюссон (серьезно, Гордону). Простите, профессор... Мне кажется, вам следует еще разок поглядеть на четыреста первого...

Гордон. Что, он хуже сегодня?

Фергюссон. Боюсь, что да... Он упорно борется с болезнью... быть может, еще вылезет...

Гордон (качает головой). Н-ну, не знаю...

Фергюссон. Я надеюсь... Он хороший парень, мечтает перевернуть горы, если выйдет из госпиталя.

Гордон (многозначительно). Если выйдет...

Хочберг. Между прочим, Джордж, мы выписываем Гудсона во вторник.

Фергюссон (взволнованно). Во вторник? Замечательно! А Лаура уже знает?

Хочберг. Я звонил ей сегодня утром.

Фергюссон. Она счастлива?

Хочберг. Разумеется.

Фергюссон. Жалко, что не я сообщил ей эту новость.

Хочберг. Ага!.. Мне следовало бы самому догадаться...

Телефонный звонок. Фергюссон идет к телефону.

(Гордону.) Прекрасный юноша... Редкие способности... Придет время, когда мы будем им гордиться...

Входит худой, бедно одетый человек; он всматривается в Хочберга, подходит к нему.

(Глядит на посетителя, вежливо.) Чем могу служить? (Внезапно узнает его.) Да это Левинг! (Берет руку Левинга обеими руками, почти обнимает его.) Мой дорогой Левинг, я не узнал вас сначала...

Левинг (печально улыбается). Это неудивительно...

Хочберг. Профессор, вы помните доктора Левинга?

Гордон. Ну, конечно... *(Пожимает руку.)*

Хочберг. Ну, вот вы и отыскались... Где же вы пропадали все эти годы? Должно быть, уже... да, пять лет...

Левинг. Шесть...

Хочберг. Шесть? Ну, ну!.. *(Гордону.)* Мы стареем, Гордон... *(Левингу.)* Так мило с вашей стороны навестить нас...

Левинг. Да, приятно снова попасть сюда. *(Оглядывается.)* Из вещей почти ничто не изменилось... Новые лица — вот и все.

Гордон. В госпитале ничто не меняется.

Левинг. Только люди... Мы меняемся, стареем, надламываемся, и так быстро!

Печаль в его голосе производит впечатление на собеседников.

Пауза.

Гордон. Н-да... Мне обидно за вас, Левинг... Пойду наверх, посмотрю на этого мальчика, четыреста первого... *(Поворачиваясь к Левингу.)* Все-таки рад был снова вас повидать. *(Уходит.)*

Хочберг. Расскажите, Левинг, как вам живется?

Левинг. Мне? *(Пожимает плечами.)* Хвалиться нечем...

Хочберг. А как Кэтти?

Левинг. Не так уж хорошо...

Хочберг *(сочувственно)*. А что с ней?

Левинг. Ее легкие... У нее небольшой, но устойчивый кашель... Вот несколько снимков... *(Открывает большой конверт, который он принес, и вынимает из него два рентгеновских снимка).*

Хочберг берет их и рассматривает на свет так, чтобы Фергюссон мог разглядеть их.

Хочберг. Джордж, видишь?

Фергюссон. Эта тень?.. Мне кажется, что правая верхушка...

Левинг. Да, я тоже боюсь, что...

Хочберг. Ну, ну, не надо впадать в панику... (Увидев на снимке что-то неприятное.) Гм... (Опускает снимок, спрашивает серьезно.) Вы проверяли ее мокроту?

Левинг. У меня с собой... (Вынимает бутылочку, обернутую бумагой.) Вот...

Хочберг. Мы сейчас же исследуем...

Фергюссон. Конечно... (Берет бутылочку.) Бактериологическое отделение немедленно сделает анализ... Что-нибудь важное?

Левинг. Моя жена...

Фергюссон (сочувственно). Ах, вот что...

Хочберг. Доктор Фергюссон... Доктор Левинг...

Они пожимают друг другу руки.

Фергюссон. Я немедленно займусь этим...

Левинг. Спасибо... Думаете ли вы, что если я зайду сегодня вечером...

Фергюссон. О, да... Анализ будет уже готов... Приходите в мою комнату... номер сто шесть...

Левинг. Сто шесть!.. (С тоской.) Моя бывшая комната...

Фергюссон. Так вы были ординатором здесь? Ну, как же я сразу не вспомнил!.. Профессор Гордон так часто вспоминает о вас...

Левинг. Профессор?.. (Хочбергу.) Он все еще помнит меня?

Фергюссон. Он считает вас подающим большие надежды...

Хочберг. Фергюссон тоже один из его лучших учеников...

Левинг (Фергюссону). И он, наверное, хочет, чтобы вы поехали усовершенствоваться за границу?

Фергюссон. Разумеется... Я собирался в Германию к Зауэрбруху, но он еврей, и наци изгнали его.

Хочберг. Подумайте, лучший хирург в мире! (Фергюссону.) Тебе придется поехать к нему в Швейцарию.

Фергюссон. Лаура тоже предпочитает Швейцарию, так что... (Левингу.) Это будет одновременно моя свадебная поездка, понимаете?

Левинг (иронически). Едва ли вам удастся совместить приятное с полезным... Вы не знаете профессора Зауэрбруха...

Хочберг (улыбаясь). Это будет еще труднее, чем вы думаете, Левинг... Вы не знаете Лауры...

Фергюссон. После года практики я вернусь работать к профессору Хочбергу, так что моя настоящая работа начнется только после возвращения из Европы...

Хочберг (смеясь). О, я тогда замучаю тебя, Джордж...

Левинг. Счастливеец!.. (Задумчиво.) Да, когда-то и я мечтал обо всем этом. (Вдыхает.)

Хочберг. Ну, пойдемте, Левинг, заглянем в рентгеновский кабинет и внимательно рассмотрим еще раз эти снимки...

Фергюссон (показывает на бутылочку). Не беспокойтесь об этом...

Левинг. Благодарю вас...

Хочберг, уходя, встречается в дверях с Шорти, тот кланяется. Шорти низенький, толстенький.

(Фергюссону.) Запомните, в Нью-Йорке есть только один профессор Хочберг... Каждая минута работы с ним драгоценна...

Фергюссон. Я не пропущу й секунды...

Левинг уходит.

Он мне расхваливает Хочберга!.. Да этот человек мне дороже всего в жизни...

Шорти. Даже дороже Лауры?

Фергюссон (улыбаясь). Нет, Лаура не в счет... Ее я люблю больше жизни...

Входит Питт, длинный, худой.

Питт. Послушай, Джордж...

Шорти. Питт, любовь моя... Тебя-то мне и нужно...

Питт (сухо). Заранее говорю тебе: нет.

Шорти. Да погоди, ты не знаешь, о чем я прошу... Не одолжишь ли ты мне свою белую жилетку на вечер? У меня...

Питт (резко). Мой ответ все тот же: нет. (Оборачивается к Фергюссону.) Знаешь, эта маленькая...

Шорти (перебивая). Спасибо за жилетку...

Питт. Не за что... Не дам... (Фергюссону.) Эта славная девочка, Дороти Смит, которую мы сегодня оперировали, просыпается из-под наркоза... Я только немного беспокоюсь относительно предоперационной дозы инсулина.

Фергюссон. А почему? Сколько ты ей дал?

Питт. Сорок единиц.

Фергюссон. Вполне хватило бы двадцати.

Питт. Я знаю.

Фергюссон (резко). Так какого же чорта ты дал ей сорок? Ты мог повредить ребенку.

Питт. По распоряжению доктора Кунингама.

Фергюссон (гневно). Кунингам — болван! Прежде чем дать ей эту дозу, ты должен был спросить меня... Мне совсем не улыбается, чтобы моя пациентка получила шок на операционном столе, понимаешь?

Питт. Понимаю... Но ведь Кунингам — доцент...

Фергюссон. Ну и что из этого? (Добродушно хлопывает Питта по плечу.) Если это повторится еще раз, Питт, ты заработаешь хороший пинок пониже спины... И не от Кунингама...

Питт. Не придирайся, Джордж... Послушайте, ребята, я голоден... Нет ли у вас чего-либо покушать?

Шорти. Как, опять?

Питт глядит на него с презрением.

Одолжи мне свою белую жилетку на сегодняшний вечер... Одолжишь, Питт? Должен же ты посочувствовать влюбленному человеку...

Питт. Я однажды и сам был влюблен... Но когда любовь стала мешать моему аппетиту... Нет, черт возьми, ни одна женщина не стоит этого...

Все смеются.

Фергюссон. Что я люблю в тебе, Питт, так это твою романтическую натуру...

Питт. Да, в глубине души я просто мечтатель.

Шорти. В глубине души ты просто сволочь.

Питт. Спасибо.

Шорти (*быстро*). Не за что.

Питт направляется к двери.

Фергюссон. Идешь наверх, Питт?

Питт. Да.

Фергюссон (*дает ему бутылочку с мокротой*). Не снесешь ли это в лабораторию? Попроси срочно исследовать и прислать анализ.

Питт. Будет сделано.

Фергюссон. И скажи, чтобы они обратили особое внимание... Это от друга профессора Хочберга...

Шорти (*идет к Питту*). Я беру обратно мои слова, Питт... Ты, конечно, не сволочь, ты замечательный парень... А если ты мне одолжишь свою белую жилетку...

Питт. Нет!

Шорти. Сволочь!

Они уходят. Входят Гордон и Ренн.

Гордон (*поспешно подходит к Фергюссону, серьезно*). Послушайте, Фергюссон, я только что видел четыреста первого... Этот мальчик внушает мне большие опасения... Может потребоваться еще одно переливание крови...

Фергюссон. Да, придется забраться довольно глубоко, чтобы найти хорошую вену...

Гордон. Вот об этом-то я и беспокоюсь... На всякий случай, я хотел, чтобы вы были здесь.

Фергюссон. Сегодня вечером?

Гордон. Да.

Фергюссон. Но я никак не могу... Ведь сегодня как раз мой выходной вечер... Я обещал моей невесте провести его вместе с ней...

Гордон. Очень сожалею, Фергюссон, но когда госпиталь нуждается в вас...

Фергюссон. Мне также очень неприятно, профессор, но такая же история случилась и на прошлой неделе. Я не могу снова разочаровывать свою невесту или (улыбается)... или она сбежит от меня...

Ренн. Простите, профессор Гордон, но, может быть, я сумел бы сделать это переливание?

Гордон. Боюсь, что нет... Поверхностные вены у этого мальчика сплошь закупорены... Фергюссон следит за болезнью с самого начала, он один знает, какую вену можно использовать.

Фергюссон. Но ведь и Шорти знает.

Гордон. Откровенно говоря, я не доверил бы этого больного никому другому... Я понимаю, что вам это очень неприятно, но я хочу в последний раз попытаться спасти жизнь бедного мальчика...

Пауза.

Он очень плох, Фергюссон... Что вы скажете?

Фергюссон. Ну что ж... я останусь...

Гордон. Благодарю вас... (Хочет идти, потом возвращается.) Если ваша невеста подымет скандал, пошлите ее к моей жене. Она расскажет ей, что ждала меня сегодня до половины четвертого ночи... Экстренный случай отравления на любовной почве... (Смеется и уходит.)

Фергюссон (явно подавлен). Проклятие!.. Мне так хотелось провести сегодняшней вечер с Лаурой...

Ренн. К сожалению, я не смог тебя выручить, Джордж.

Фергюссон (расстроенный, ворчит). Лаура будет страшно обижена... У этих людей не найдешь абсолютно

никакого сочувствия... Работаешь, работаешь, как вол, а когда один раз в неделю попробуешь...

Вбегает Д ж е м с о н.

Д ж е м с о н (говорит, задыхаясь). Доктор Фергюссон, здесь? (Замечает его.) Доктор Фергюссон, скорая помощь только что доставила женщину с глубокой раной в горле... Она совсем истекает кровью... Доктор Питт прислал меня сказать вам, что он не может остановить кровотечения...

Фергюссон (его поведение, жесты, тон резко меняются; он говорит и действует быстро, четко, авторитетно). Немедленно перенесите ее в операционную!

Д ж е м с о н убегает.

(Ренну.) Иди скорей туда и подготовь наркоз.

Р е н н убегает.

(Быстро идет к телефону.) Операционную!.. Отделение срочных операций... скорее. Сейчас же подготовьтесь к экстренной операции. Горловое ранение... Будет делать доктор Фергюссон... Да... иду...

В заднюю дверь видно, как в коридоре два санитаря поспешно проносят носилки, на которых лежит женщина; она истерически кричит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комфортабельная платная палата в госпитале. Парикмахер бреет пациента — Гудсона. Мистер Гудсон — крупный мужчина, одетый в пижаму и халат, сидит в кресле и разговаривает со своим секретарем, который стенографирует его распоряжения.

Гудсон. Мы добьемся этого участка, и, запомните, мы добудем его на наших условиях.

Секретарь. Но как, хозяин?

Гудсон. Немедленно свяжитесь с редакциями крупнейших газет. Сообщите им, что мы решили возводить по-

стройку в другом месте и взамен Клинтона выбрали, ну, скажем, Третью улицу... Дайте карту территории. Словом, сделайте этот вариант убедительным.

Секретарь. Вы думаете, они поверят?

Гудсон. Постарайтесь... Есть у вас сигары?

Секретарь (*вынимает сигару, колеблется*). Ведь вам, кажется, запрещено курить?

Гудсон. Чепуха... Не могу думать без сигары... (*Берет сигару.*)

Парикмахер зажигает спичку.

(*Затягивается с видимым облегчением.*) Начните переговоры со всеми земельными собственниками на новой территории... Покупайте закладные... Этому они поверят...

Секретарь. Да... пожалуй...

Гудсон. В то же время продайте десяток из наших домов в Клинтоне... Продавайте даже угловые, и продавайте дешево.

Секретарь. Но ведь вы рискуете, что...

Гудсон. Свяжитесь с Гендерсоном, пусть он организует две подставные компании. Постарайтесь продать именно им.

Секретарь (*восхищенно*). Это замечательный план!.. Цены сразу упадут вдвое...

Гудсон. Ясно. Вы дождетесь, когда старые участки пойдут за гроши, и тогда наши подставные компании захватят их... В конце концов все расходы оплатят жильцы?..

Парикмахер кончает брить, складывает инструменты и уходит.

А что говорят в городе насчет помолвки Лауры?

Секретарь. По правде говоря, считают брак неравным.

Гудсон (*вздыхает*). Ничего не поделаешь... Разбаловал девочку, — ведь она мой единственный ребенок... В конце концов я достаточно богат, чтобы купить своей дочери

мужа по ее вкусу... К тому же я больной человек, и собственный доктор дома никогда не помешает...

Входит Хочберг. Увидев, что Гудсон курит, хмурится, вынимает из его рта сигару и выбрасывает ее за окно.

Хочберг. Разве вы не знаете, Гудсон, что сигары вам запрещены?

Гудсон (*раздраженно*). Послушайте, Хочберг, что это значит?..

Секретарь. Я думаю, мне лучше уйти?

Гудсон. Позвоните мне о результатах.

Секретарь. Хорошо, не беспокойтесь, сэр... Поправляйтесь скорее... Всего хорошего, профессор. (*Уходит.*)

Хочберг поворачивается к Гудсону и качает головой.

Гудсон. Но меня ведь выписывают во вторник, не так ли? А вы со мной обращаетесь, как с инвалидом. (*Идет к телефону.*) Барышня... соедините меня... Бруклин, два-семьдесят один... (*Внезапно задыхается, на лице появляется выражение боли. Кладет вторую руку на грудь.*)

Хочберг (*мрачно*). Видите?

Гудсон (*виновато взглядывает на Хочберга, повторяет*). Бруклин, два-семьдесят один-сорок...

Хочберг (*идет к нему, вынимает из его рук трубку и кладет ее на рычаг*). Вам лучше лечь.

Гудсон. Да ведь это ничего... просто я...

Хочберг (*настойчиво*). Я знаю... Идите в кровать...

Гудсон недовольно идет к кровати и ложится. Хочберг щупает его пульс.

Гудсон (*ворчливо*). Я чувствую себя прекрасно...

Хочберг. Не понимаю людей вроде вас, Гудсон... Вас лечат лучшие сердечники в стране, но они не могут вставить вам новое сердце... Неужели вы не знаете этого? Неужто вы так наивны?

Входит Лаура, элегантно одетая, молодая красивая девушка, капризная и избалованная, но веселая и очаровательная.

Лаура. Я вижу, папа снова что-то натворил, дядя Хочберг?

Гудсон. Алло, дорогая!

Хочберг. Алло, Лаура!

Лаура (целует Гудсона). Как поживает мой папочка сегодня?

Гудсон. Прекрасно, моя детка, прямо-таки прекрасно.

Лаура. А что подельывает сердитый дядя Хочберг?

Хочберг. Лаура, не можешь ли хоть ты справиться с твоим отцом?

Лаура. А что? Снова курит?

Хочберг. Да.

Лаура. О папа!

Гудсон. Не начинай снова старую песню, Лаура.

Лаура. Но ведь это тебе так вредно!

Гудсон. Я сейчас занят важным делом... А главное, я совершенно здоров... Меня даже выписывают во вторник...

Лаура. Неужели ты никак не можешь забыть свою контору? Закрыть ее хотя бы на время?

Хочберг. Она права, Гудсон, абсолютно права.

Лаура. Какая польза в твоих миллионах, папочка, если у тебя нет даже времени воспользоваться ими?

Гудсон. Ну что ж... Они, по крайней мере, помогут устроить моей девочке прекрасный медовый месяц.

Лаура. Твоя девочка устроила бы себе медовый месяц и без тебя... Джордж любит не твои деньги, а меня. (Хочбергу.) Кстати, где этот молодой человек?

Хочберг. Наверху... Он занят...

Лаура (капризно). Опять занят?.. (Гудсону.) Так ты обещаешь хорошо вести себя, папа?

Гудсон (улыбается и треплет ей щеку). Не беспокойся, я совершенно здоров... Запомните, я еще переживу вас всех... (Лауре.) Как прошла вчерашняя вечеринка?

Лаура. Было шумно.

Гудсон. И интересно?

Лаура. Ничего особенного.

Гудсон. Неужели Джордж опять не мог быть с тобой?

Лаура. Как всегда, был занят... Я провела большую часть времени с ребенком Доррис. Эти маленькие дети ужасно забавны... Уверяю вас, когда у меня будет свой бэби, он будет иметь столько заботы, любви и внимания, сколько захочет.

Хочберг (посмеиваясь). Ты стала настоящей женщиной, Лаура.

Лаура. Женщиной? Но я успела уже позабыть, когда меня поцеловали в последний раз. (Встает.) Не могу ли я поймать Джорджа хоть по телефону?

Хочберг. Нет... Он скоро придет сюда.

Лаура (идет к телефону). Я хочу с ним говорить... (Берет трубку.)

Хочберг (резко). Лучше подождать...

Лаура с недоумением взглядывает на него.

Он в операционной...

Лаура. А-а!..

Гудсон. Пока ты здесь, Лаура, будь умной девочкой, позвони ко мне в контору и спроси у Гендерсона, есть ли у него...

Лаура. Нет! (Резко вешает трубку.)

Гудсон. Но это дело не дает мне покоя...

Хочберг. Опять? Гудсон, вы сумасшедший!

Лаура (с горечью). Он не единственный сумасшедший среди нас, дядя Хочберг.

Гудсон (взглядывает на нее понимающим взглядом. Хочбергу). Вы буквально сделали раба из этого мальчишка... И во имя чего? Он у вас ни черта не зарабатывает...

Хочберг. Он здесь не для того, чтобы зарабатывать деньги... Если бы он хотел только денег, то вообще не выбрал бы медицину... Когда он будет моим ассистентом, его жалованье составит всего лишь двадцать долларов.

Гудсон. Всего?

Хочберг. Но зато у него будет возможность много-

му научиться... Врач, который сейчас работает моим ассистентом, занят шестнадцать часов в сутки. Он даже поставил себе койку в лаборатории, в которой часто остается ночевать.

Гудсон. И все это за двадцать долларов?

Хочберг (*выразительно подчеркивая*). Да, за двадцать... (*Лауре.*) Джордж прекрасный мальчик, с большими задатками... Следующие пять лет будут критическими годами в его жизни... Они покажут, вырастет ли он в большого человека или нет...

Лаура. Джордж уже достаточно большой человек, дядя Хочберг... для меня...

Хочберг. Ах, для тебя...

Лаура (*резко*). А что, разве я не в счет? (*Сдерживаясь, обращается к отцу, меняя тему разговора.*) Когда мне зайти за тобой во вторник?

Гудсон (*Хочбергу*). Когда вы меня выпустите отсюда?

Хочберг. Утром... Часов в девять...

Гудсон. Прекрасно! (*Лауре.*) Распорядись, чтобы мне дома приготовили большой сочный бифштекс... Они тут заморили меня голодом.

Хочберг (*решительно*). Никаких больших сочных бифштексов!

Гудсон стонет. Фергюссон входит, усталый и взволнованный.

Лаура. Джордж!.. (*Бежит к нему.*)

Фергюссон. Здравствуй, дорогая... (*Целует ее.*)

Лаура. Почему ты так мрачен?

Фергюссон. Пустяки, устал немного... А как папа Гудсон? Мы, кажется, потеряем во вторник самого состоятельного из наших пациентов.

Лаура. Не правда ли, он чудесно поправился?

Гудсон. Прекрасно чувствую себя, Джордж! Достаточно хорошо, чтобы съесть огромный бифштекс.

Хочберг (*ворчит*). Ну!.. Ну!..

Гудсон. Между прочим, Джордж, мой секретарь рас-

сылает свадебные приглашения. Передай ему список твоих знакомых, а также поручи ему оформить ваши визы.

Фергюссон. Лаура, я все еще не могу поверить своему счастью...

Лаура. Я тоже, Джордж...

Фергюссон. Швейцария, наверное, чудесная страна?

Лаура. Замечательная, я была там... Много веселья, музыки...

Фергюссон. А какая там природа... Альпы, Монблан...

Хочберг (мягко). Когда я учился в Швейцарии, то мы, студенты, проводили все свое время в тяжелой работе, и стакан пива был нашей единственной роскошью... Тем же должна стать Европа для Джорджа...

Фергюссон и Лаура, видимо, огорчены. Входит сестра, вкатывает кресло на колесах.

Сестра. Время ехать на сеанс горного солнца, сэр.

Гудсон. Ну нет, убирайтесь!

Хочберг. Но, Гудсон, вы пока еще в госпитале...

Гудсон. Чорт возьми, я могу и сам пойти... Я не ка-лека...

Лаура. Садись, папочка!

Гудсон (садится в кресло, ворчит). Обращаются со мной, как с сопливым младенцем... Ненавижу я эту медицину...

Его увозят. Хочберг взглядывает на Фергюссона и Лауру, замечает, что они хотели бы остаться одни, но нарочно садится, притворяясь, что намерен остаться с ними.

Фергюссон. Я вам больше не нужен, профессор?

Хочберг. Видишь ли, мне бы хотелось поговорить с тобой подробнее 'о...

Лаура (угрожающе). Дядя Хочберг...

Хочберг (встает, улыбаясь, как нашаливший мальчик). Ага, испугались! (Уходит.)

Лаура (нежно). Любимый!.. (Протягивает ему руки.)

Фергюссон. Радость моя!..

Лаура. Как поживает мой мальчик?

Фергюссон (глядит на нее с восхищением, говорит почти шопотом). Я так люблю тебя, Лаура! (Обнимает ее.)

Лаура. Если бы ты только знал, как мне тебя не доставало! (Прижимается к нему.) Еще три месяца... Мне кажется, они никогда не кончатся...

Фергюссон (нежно). Да, милая, это будут долгие три месяца... Ужасно долгие!

Лаура. Да, я знаю... Об этом тяжело даже подумать... (Берет его за руки и ведет к качалке.) Садись сюда... (Усаживает его и садится к нему на колени. Затем берет его голову в руки и внимательно рассматривает лицо.) Дай-ка поглядеть на тебя... (Качает головой.) Вы худеете, молодой человек! У вас усталые глаза...

Фергюссон. Мне не пришлось спать прошлой ночью... Я дежурил...

Лаура. Ты заработался... (Кладет его голову к себе на плечо.) Мне это ужасно не нравится...

Пауза.

Знаешь, ты вчера испортил мне весь вечер...

Фергюссон поднимает голову, но Лаура удерживает ее на своем плече.

Вся эта музыка, танцы и смех совершенно не интересовали меня... Все делается безжизненным, если тебя нет поблизости..

Пауза.

Мы видимся так редко...

Фергюссон. Ничего... В будущем мы вознаградим себя...

Лаура. Это неверно, Джордж... Возьми вчерашний вечер... Если бы ты был со мной, было бы чудесно... Тебя не было — этот вечер уже не вернешь.. Мне так жаль каждого потерянного мгновения... Я хотела бы быть с тобой с

первого дня жизни, хотела бы родиться с тобой в одной комнате и играть на одной улице...

Фергюссон *(улыбаясь)*. Я рад, что тебе не пришлось... Это были мрачные, маленькие комнаты и узкие, грязные улицы... Ты чудная, изумительная, Лаура, и я рад, что твое детство было непохоже на мое... Ты...

Слышен громкоговоритель, вызывающий: «Доктор Фергюссон, доктор Фергюссон!»

О, проклятие!

Лаура *(умоляюще)*. Останься! *(Прижимается к нему.)*

Фергюссон. Это невозможно, Лаура... Меня вызывают, я должен идти...

Лаура. Нет, нет!

Фергюссон. Нельзя, милая! *(Подымается, держа ее на руках, целует и бережно ставит на ноги.)*

Лаура *(расстроено)*. Опять испорчено все...

Фергюссон идет к телефону, берет трубку. Лаура берет сумку, пудрится, красит губы.

Фергюссон. У телефона доктор Фергюссон... Да... Неужели? Странный случай... Да, я буду готов.... Хорошо... *(Вешает трубку, оборачивается к Лауре.)*

Лаура. Ну, что же... Идешь опять работать?...

Фергюссон. Я не буду нужен еще целых полчаса...

Лаура. Все равно... мне пора идти к парикмахеру и принарядиться к сегодняшнему вечеру.

Фергюссон. Дорогая, я...

Лаура. Какой чудный вечер мы проведем сегодня! Мы пойдем с тобой в наш маленький ресторан на реке... Там так тихо и уютно.. Потом мы покатаемся на лодке и...

Фергюссон *(виновато)*. Лаура, у меня скверные новости... Ты не расстраивайся...

Лаура *(испуганно)*. А что?

Фергюссон. Сегодня вечером... я не смогу уйти из госпиталя.

Лаура *(почти плачет)*. Как? Снова?

Фергюссон. Мне так больно, дорогая... Я пытался освободиться, но мне не удалось... Нужно сделать переливание крови больному мальчику.

Лаура. Но, может быть, это недолго? Я подожду.

Фергюссон. Едва ли, Лаура... Это зависит от состояния больного... Я должен быть наготове и ждать всю ночь...

Лаура. Неужели ты единственный врач здесь, который может сделать это переливание?

Фергюссон (с досадой). Профессор Гордон полагает, что это именно так...

Лаура. Джордж, они злоупотребляют твоим временем! Это несправедливо!

Фергюссон. Что касается меня, то это не так важно, но вот ты...

Лаура (мрачно). Да, для меня это важно...

Пауза.

(Внезапно охрипшим голосом.) Я так рассчитывала на сегодняшней вечер...

Фергюссон. А я, ты думаешь, не рассчитывал? Всю неделю я мечтал об этом вечере...

Лаура. Конечно, так я и поверю...

Фергюссон. Неужели ты сердишься?

Лаура. Джордж, я так подавлена... Моя тоска растет с каждым днем...

Фергюссон. Проклятый Гордон!.. Ренн мог бы прекрасно сделать это переливание...

Лаура (с тоской). Ах, Джордж, на что будет похожа наша жизнь?

Фергюссон. Дорогая, мы встретимся завтра... Ренн обещал заменить меня...

Лаура. Я ведь говорю не только о сегодняшнем вечере... Я боюсь, что так будет каждый раз...

Фергюссон. Милая, ты преувеличиваешь...

Лаура (качает головой). Нет, ни капельки...

Фергюссон. Так что же я должен сделать? Я хочу

уйти, хочу повеселиться, хочу провести время с тобой... Но я не могу — вот и все... Я не могу...

Лаура. Джордж, я знаю, как это важно для тебя. Пусть так... Я сумею примириться с таким положением, ну, эти три месяца... даже еще год в Европе, потом... Но когда мы вернемся назад, мы устроим нашу жизнь по-человечески... Ты откроешь кабинет, заведешь частную практику, прием будет в определенные часы...

Фергюссон. Если я буду работать с Хочбергом, дорогая, у меня не останется времени для частной практики.

Лаура. Вот именно!.. Я знаю Хочберга... Я никогда не буду тебя видеть, Джордж...

Фергюссон. Но, Лаура... *(Нервно смеется.)* Я потратил десять лет жизни только для того, чтобы совместно работать с таким человеком, как профессор Хочберг.

Лаура. Я не смогу жить таким образом... *(Горько.)* Мне лучше уйти от тебя сейчас... Попытаться тебя забыть...

Фергюссон *(взволнованно)*. Лаура, как ты можешь... Даже в шутку не говори этого!..

Лаура *(решительно)*. Это не шутка... Такая жизнь убила бы меня, а я предпочитаю быструю смерть медленной агонии...

Громкоговоритель снова вызывает доктора Фергюссона.

Видишь, они опять зовут тебя... Как я их ненавижу!..

Фергюссон. Но, милая... *(Колеблется, потом подходит к телефону.)* У телефона Фергюссон... Да... Кто?.. Двести восемнадцатый? Так что же, вызовите Кунингама, это его пациентка... пусть он... *(Внезапно голос его меняется.)* Когда?.. Какая температура?.. Она бледна?.. Выступил пот?.. Ни грамма больше инсулина... Сейчас приду... *(Вешает трубку.)* Мне надо сейчас идти, Лаура... Пожалуйста, не нервничай... *(Наклоняется поцеловать Лауру, та отворачивается. Он выпрямляется и рассматривает ее с озабоченным видом.)* Неужели ты серьезно?

Лаура (глухо). Да...

Фергюссон. Очень серьезно?

Лаура. Да...

Фергюссон (принужденно улыбаясь). Все уладится, Лаура...

Лаура. Нет... не думаю...

Пауза.

Фергюссон (стараясь говорить спокойно). Я зайду к тебе завтра вечером, дорогая... Хорошо?

Лаура (надевает шляпу). Обдумай мои слова, Джордж... Мы должны прийти к какому-нибудь решению... или разойтись...

Фергюссон. Лаура, пожалуйста, не говори так...

Лаура. Я абсолютно серьезна... Имей это в виду...

Снова звонок телефона.

Фергюссон (бежит к двери). Лаура, там погибает ребенок.. Я не могу больше терять ни минуты... До завтра... (Убегает.)

Лаура смотрит ему вслед, протянув руки, затем, сжав голову руками и плача, начинает ходить взад и вперед.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Палата в детском отделении госпиталя. На кровати девочка лет десяти, бледная, с закрытыми глазами. Ее мать сидит около нее и плачет. У телефона сестра Барбара Денинг, она быстро говорит в трубку.

Барбара. Позовите доктора Фергюссона. Срочно... Он уже вышел? *(Вешает трубку.)*

Миссис Смит. Она так бледна, сестра... *(Ломает руки.)* Где же доктор Кунингам? Почему его нет? Сестра, нельзя ли что-нибудь сделать?

Барбара. Доктор Фергюссон сию минуту будет здесь...

Входит Кунингам, преуспевающий модный доктор, авторитетные манеры, самоуверенный, не терпящий возражений тон.

Доктор Кунингам, какое счастье, что вы пришли!

Миссис Смит. Доктор Кунингам... мое дитя... она в обмороке... она...

Кунингам. Ради бога, успокойтесь, миссис Смит... *(Поворачивается к Барбаре.)* Что здесь случилось?

Барбара. Девочка внезапно потеряла сознание, около двух минут назад...

Кунингам. Покажите температурную кривую...

Барбара подает ему лист. Он хмурится и качает головой.

Гм-м... Это скверно... (Берет руку девочки и слушает пульс.)

Барбара. Пульс едва...

Кунингам. Ш-ш... спокойно, пожалуйста.

Тишина.

Гм... дайте мой стетоскоп..

Барбара подает стетоскоп, он выслушивает сердце и становится еще более мрачным.

Диабетическое отравление...

Миссис Смитт. Что, что, доктор?

Кунингам. Отравление на почве сахарной болезни...

Миссис Смит. Доктор, умоляю, спасите ее... спасите..

Кунингам. Сестра! (Жестом показывает на миссис Смит.)

Барбара (берет миссис Смит под руку). Вам придется подождать в коридоре... Всего несколько минут...

Миссис Смит. О, что мне делать?.. (Рыдает.) Моя девочка, мое единственное дитя...

Барбара уводит ее, затем возвращается.

Кунингам. Приготовьте мне инсулин... срочно... Сорок единиц с пятьюдесятью граммами глюкозы.

Барбара. Но, сэр, доктор Фергюссон не советовал применять инсулин.

Кунингам. Фергюссон? Пожалуйста, выполняйте мои распоряжения... Сорок единиц... Скорее...

Барбара. Слушаю, сэр...

Входит Фергюссон. Кунингам взглядывает на него, слегка кланяется.

Кунингам (Барбаре). Пожалуйста, поспешите..

Фергюссон (взглядывает на пациентку, качая головой). Я опасался шока...

Кунингам. Это не шок... Это диабетическое отравление...

Фергюссон (снова взглядывает на девочку). Что, у нее температура ниже нормальной?

Кунингам (нетерпеливо). Да... (Барбаре.) Инсулин еще не готов?

Фергюссон. Простите, доктор Кунингам, но не находите ли вы, что инсулин противопоказан в данном случае?

Кунингам. Наоборот... Это наша последняя надежда... (Берет у Барбары шприц и проверяет его.)

Фергюссон. Доктор Кунингам, я боюсь вас обидеть, но... но я следил за этой пациенткой с самого начала, и мне кажется, что это именно шок, а не отравление.

Кунингам (останавливается, взглядывает на него, качает головой). Ничего подобного...

Фергюссон. Но клиническая картина так ясна... Поглядите на больную... она бледна, холодна, температура ниже нормальной... Она жаловалась на голод... припадок случился внезапно...

Кунингам (сердито). Может быть, вы предоставите мне лечить мою больную? (Барбаре.) Приготовьте ей руку. Барбара обнажает руку. Кунингам наклоняется над девочкой.

Фергюссон (колеблется секунду, затем идет к Кунингаму и говорит, положив ему руку на плечо). Прошу вас, позовите еще кого-нибудь из врачей... Спросите... ну, кого хотите...

Кунингам. У нас нет времени... уберите вашу руку...

Фергюссон. Но инсулин убьет ее...

Кунингам (резко поворачивается к Фергюссону). Убирайтесь отсюда! Слышите? Никто не смеет вмешиваться в мои распоряжения в такую ответственную минуту! (Сбрасывает руку Фергюссона с плеча и наклоняется к девочке, чтобы ввести шприц.)

Фергюссон с внезапной решимостью выхватывает шприц из рук Кунингама и выжимает содержимое шприца.

Кунингам. Послушайте, что вы делаете? Как вы смеете?..

Фергюссон *(не обращая на него внимания, поворачивается к Барбаре, твердым голосом)*. Стерильную глюкозу... Быстро!.. И тридцатиграммовый шприц..

Барбара. Глюкоза есть готовая..

Фергюссон. Хорошо.

Барбара. Здесь пятьдесят граммов..

Фергюссон. Половины хватит... Приготовьте руку.

Барбара. Слушаю, сэр.

Фергюссон *(кричит в коридор)*. Дежурная! Шприц адреналина... Скорее!

Голос из коридора. Сейчас, сэр.

Фергюссон *(кричит в другую сторону коридора)*. Вторая дежурная... горячие грелки и одеяло... Поскорее!.. *(Барбаре.)* Перетяните ей руку резиновым жгутом... *(Возвращается к кровати, но по дороге его останавливает Кунингам.)*

Кунингам. Как вы смеете! Вы ответите перед правлением госпиталя... Я добьюсь, чтобы вас выбросили отсюда, мальчишка!

Фергюссон. Прекрасно! Можете меня выбросить... Но сейчас не мешайте... *(Отталкивает Кунингама и спешит к кровати.)*

Кунингам *(совершенно растерявшись)*. Никогда в жизни не встречал ничего подобного..

Фергюссон. Готово? Давайте глюкозу..

Барбара дает шприц.

Держите руку... Обойдемся без иода, одним эфиром..

Барбара натирает руку.

Повезло, прекрасная вена!.. *(Вводит шприц.)*

Кунингам. Вы поплатитесь за свой дерзкий поступок, молодой человек! За жизнь этой пациентки ответите вы!

Вбегает сестра с грелками и одеялом.

Сестра. Вот, доктор...
Фергюссон. Хорошо...

Фергюссон и Барбара кладут грелки и завертывают большую в одеяло. Сестра уходит. Вбегает другая сестра.

Сестра. Шприц адреналина, доктор.

Фергюссон. Давайте! *(Берет у нее шприц, делает укол, затем выпрямляется, вздыхает, оборачивается к сестре.)* Это все, благодарю вас...

Сестра уходит. Оставшиеся напряженно смотрят на девочку. Та попрежнему неподвижна.

Я думаю, больше сделать ничего нельзя...

Пауза.

Кунингам. Девочка погибает по вашей вине... Вы немедленно явитесь к дежурному врачу и заявите, что я вас снимаю с работы.

Фергюссон. Я выполню ваше распоряжение, сэр... Но только, если девочка погибнет...

После долгой паузы рука Доротти, которая висела безжизненно над краем кровати, слегка двигается, затем она подымает руку ко лбу и открывает глаза. Первым Доротти замечает Фергюссона.

Доротти *(слабым голосом)*. Дядя Джордж...

Фергюссон. Что, детка?

Доротти. Пить хочется...

Фергюссон. Сейчас, милая... *(Барбаре.)* Воды!

Барбара подает стакан воды. Доротти садится, отпивает несколько глотков и сонно трет глаза.

Доротти. Мне очень плохо, дядя Джордж... Голова болит...

Фергюссон. Выпей еще...

Доротти. Что со мной было?

Фергюссон. Ничего... Ты просто заснула — вот и все.

Доротти больше не пьет. Широко раскрыв глаза, она пристально смотрит на Фергюссона. Он улыбается ей и указывает на стакан.

Фергюссон. Да ну же, пей до дна...

Доротти улыбается в ответ и пьет.

Ты умная девочка, Дотти... А теперь обещай мне лежать спокойно...

Доротти. Хорошо, дядя Джордж... Барбара...

Барбара. Что, детка?

Доротти. Я хочу мамочку... Где мама?

Барбара. Она в коридоре, дорогая.

Доротти. Хочу сюда мамочку...

Барбара. Я скоро приведу ее к маленькой Дотти...

Доротти. Дядя Джордж, моя операция болит вот здесь.

Фергюссон (*ласково*). Сейчас мы тебе поможем...

Потерпи минутку... (*Кунингаму.*) Препарат опия, доктор?

Кунингам. Нет... (*Барбаре.*) Морфий, полкубика...

Барбара. Да, сэр. (*Выходит.*)

Кунингам (*Фергюссону*). Мне бы следовало выгнать вас из госпиталя, сударь... Вы паршивый щенок, сующий нос не в свое дело... (*Секунду колеблется.*) Однако... при создавшихся обстоятельствах, я думаю, мне придется быть снисходительным, на этот раз... Но если вы когда-либо осмелитесь снова вмешаться в мои распоряжения, то...

Вбегают миссис Смит и бросается к кровати. Барбара входит за ней.

Миссис Смит. Доротти, солнышко мое!.. Что с тобой, моя девочка? (*Целует ее.*) Жизнь моя!

Доротти. Ой, моя операция, мамочка...

Кунингам. Осторожно, миссис Смит...

Миссис Смит. Да, да, конечно... Я тебе сделала больно, детка?

Кунингам. Послушайте, ваша девочка вышла невредимой из порядочной передряги... Вы не должны волновать ее... Я хочу, чтобы она отдохнула... Вам лучше... (*Указывает на дверь.*)

Миссис Смит. Да, да, вы правы... Она так слаба, бедняжка... (Дочери.) До свиданья, дорогая... (Целует ее.) Не хочешь ли ты, чтобы твоя мамочка принесла тебе игрушки.

Доротти (сонно). Нет, мама!

Кунингам (Барбаре). Если что-нибудь произойдет, телефонируйте мне немедленно.

Миссис Смит (Кунингаму). Она выздоровеет, доктор?

Кунингам. Да, теперь она непременно выздоровеет... Позвоните мне попозже.

Миссис Смит (уходя, Кунингаму). Дорогой доктор, чем я сумею отблагодарить вас за все?.. Вы спасли моего ребенка, мою жизнь...

Кунингам. Не волнуйтесь, сударыня... Мы, врачи, только выполняем свой долг... (Заметив негодующий взгляд Барбары, поспешно выходит за миссис Смит.)

Фергюссон (ласково). Ну, милая барышня, не пора ли нам заснуть?

Доротти. Да, дядя Джордж...

Фергюссон. Закрой-ка глазки...

Доротти. Но ты не уходи, дядя Джордж...

Фергюссон (садится около кровати). Нет, я буду с тобой... Ну, засыпай...

Доротти берет его руку, закрывает глаза и засыпает. Подходит Барбара со шприцем.

(Шопотом.) Морфий не понадобится...

Пауза.

Барбара. Что, Кунингам не очень злился на вас?

Фергюссон. Нет.. (Глядит на Доротти.) Славная девочка, правда?

Барбара. Я так боялась, что ее не удастся спасти...

Фергюссон (касаясь волос спящего ребенка, шепчет). У нее волосы, как у Лауры.

Барбара (не расслышав). Что, доктор?

Фергюссон. Ничего... ничего...

Барбара. Как замечательно вы проучили этого Кунингама... Ведь это вы спасли девочке жизнь...

Фергюссон (показывая на шприц, холодно). Пожалуйста, уберите все это.

Барбара. Да, сэр. (Убирает. Внезапно шприц падает из ее дрожащих пальцев и с треском разбивается.)

Фергюссон (сердито). Послушайте... (Взглядывает на спящего ребенка.) Что с вами?

Барбара. Простите... Я немножко нервничаю...

Фергюссон (взглядывает на нее и улыбается ей, чтобы успокоить). Что, Кунингам так же скверно обращается и с вами?

Барбара. Нет, сэр... Но это мой первый случай с больным ребенком... Я так полюбила бедняжку...

Фергюссон. Понимаю... Как ваше имя?

Барбара. Барбара Денинг.

Фергюссон. Из вас выйдет прекрасная сестра, Барбара...

Барбара. Благодарю вас, сэр.

Фергюссон. А теперь послушайте мой совет... Я знаю, как вы сейчас чувствуете себя... Ваши нервы натянуты, как струны... Хочется кричать, плакать... По правде говоря, я тоже испытываю нечто вроде этого... Вам надо уйти отсюда сегодня вечером... Повеселитесь, потанцуйте румбу с вашим приятелем... Забудьте о госпитале... Завтра вы опять будете в порядке...

Барбара. Я... мне нельзя... У меня завтра экзамен по микробиологии... и... и... (тихо) у меня нет никакого приятеля...

Фергюссон. По микробиологии? Так вы студентка?

Барбара. Да, я на втором курсе... Здесь я на практике...

Фергюссон. Мне кажется, у меня сохранились студенческие записки по микробиологии... Я оставлю их у дежурного санитаря... Уходя, вы сумеете их взять с собой.

Барбара. Благодарю вас, сэр.

Фергюссон. Может быть, они вам немного помогут...
Во всяком случае, вам не придется зубрить всю ночь...

Громкоговоритель вызывает доктора Фергюссона.
Входит Джемсон.

Джемсон. Вас вызывают, доктор Фергюссон.

Фергюссон (*прислушиваясь*). Опять... (*Джемсон.*) Вы будете сейчас дежурить?

Джемсон. Да, сэр.

Фергюссон. Если девочка проснется и почувствует боль, дайте ей препарат опия... Если температура упадет ниже нормальной, вызовите меня... Я останусь здесь на всю ночь.

Джемсон (*удивленно*). Как, и сегодня ночью тоже? Ведь у вас выходной.

Фергюссон (*теряя самообладание*). Да, да, и сегодня тоже... И никаких выходных!

Громкоговоритель вызывает его имя громче и настойчивее.

(*Оборачивается к рупору и кричит.*) Хорошо, хорошо, я иду!
(*Выбегает из комнаты.*)

Барбара и Джемсон, растерянно переглядываясь, смотрят ему вслед.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Небольшая темная комната. Узкая кровать, простое одеяло, стол, два стула, маленькая полка с книгами, небольшой радиоприемник. Фергюссон, в очках, читает за столом при свете настольной лампы толстую книгу, иногда делая отметки в тетради. Стук в дверь.

Фергюссон (*не подымая головы, усталым голосом*).
Войдите!

Входит Шорти, в крахмальной сорочке и белой жилетке.

Шорти (торжествующе). Послушай, я выудил-таки жилетку у этой сволочи Питта...

Фергюссон. Прекрасно!

Шорти. Не можешь ли ты одолжить мне галстук, Джордж?

Фергюссон (встает, устало идет к гардеробу, находит галстук и дает его Шорти). На, возьми. (Берется снова за книгу.)

Шорти. Благодарю... Послушай, не повяжешь ли его пошикарнее? У меня что-то не выходит...

Фергюссон. Я попробую... (Повязывает ему галстук.)

Шорти. В моей комнате есть пара бутылок... Если захочется промочить горло...

Фергюссон. Не думаю, Шорти...

Шорти. Хорошая выпивка... Из чистого спирта... По-заимствовал его из нашей лаборатории.

Фергюссон. Стой спокойно... А, черт, не выходит! Попроси кого-нибудь еще.

Шорти (шутливо). Нервы, молодой человек... Рекомендую посоветоваться с врачом.

Питт (просовывает голову в дверь). Нет ли здесь чего-нибудь покушать?

Фергюссон. Только плитка шоколада.

Питт. Красота! (Входит.)

Фергюссон. Вот, возьми. (Дает ему плитку.) Желаю повеселиться, Шорти.

Шорти (убежденно). Непременно.

Питт (ест шоколад). Смотри, не испачкай жилетку... Чтобы ни единого пятнышка...

Шорти. Не беспокойся, я сниму ее еще до первого поцелуя... (Уходит.)

Питт (набивая себе рот шоколадом). А почему ты остался в госпитале?

Фергюссон. Четыреста первому может понадобиться переливание...

Питт. Ни черта ему теперь не понадобится... (Жует шоколад.) Разве ты не знаешь? Он уже... покинул этот симпатичный мир...

Фергюссон. Не может быть!..

Питт. Около десяти минут назад...

Фергюссон (медленно). Как обидно!.. Бедный мальчик!..

Питт (прожевывая большой кусок шоколада, равнодушно). Не первый и не последний... Послушай, я голоден, как черт... Придется сбегать в ресторан за угол перехватить пару бутербродов... Последи за моими палатами, пока я вернусь...

Фергюссон. Хорошо, только поторопись... Я собираюсь все-таки использовать свой выходной

Питт. Сейчас вернусь... (Выходит.)

Фергюссон (сидит минуту, тупо глядя на стену, затем вздыхает, закрывает книгу, снимает очки и берет телефонную трубку). Дайте город... Пожалуйста, Бруклин, три-пять-восемь-шесть-семь... Алло! Мисс Гудсон дома? Попросите ее... Доктор Фергюссон... Алло, Лаура!.. Как поживаешь, любимая?.. Чувствуешь себя лучше?.. Послушай, дорогая, мне все-таки, кажется, удастся вырваться сегодня... Что? Не надо так, любовь моя... Мы договоримся, найдем какой-нибудь выход... У нас ведь еще масса времени...

Пауза

Послушай, Лаура, возможность работать с Хочбергом решит всю мою дальнейшую научную деятельность... Зачем же ты хочешь, чтобы я отказался от этого... ничего не обдумав, в одну минуту, только потому, что ты ошибочно полагаешь, что... Нет... Нет... У меня сегодня нет сил даже спорить... Я смертельно устал, Лаура... Собачий день... Шесть операций... и один бедняк только что умер.. Я просто не могу думать, не могу принимать важных решений...

Пауза.

Фергюссон. О Лаура, как тебе не стыдно! Как! Ты хочешь наказать меня?.. Ты даже не хочешь меня видеть, пока я не... О Лаура... Лаура!..

Пауза.

Она бросила трубку...

Стук в дверь. Фергюссон не слышит. Стук повторяется. Фергюссон вешает трубку, устало идет к двери и открывает ее. Входит доктор Левинг.

Левинг. Простите, я не помешал вам?

Фергюссон. О нет, входите, доктор.

Левинг (*внимательно осматривается, улыбаясь и на-шептывая что-то про себя*). Да, да... шесть лет... шесть лет... а комната выглядит, как вчера... (*Смотрит на свои часы*.) Как вы думаете, анализ еще не готов?

Фергюссон. Сейчас узнаю... (*Берет трубку*.) Алло!.. Бактериологическую лабораторию, пожалуйста... Доктор Финн? Говорит Фергюссон... Готов ли анализ той мокроты, которую я послал вам?.. Ага!.. (*Левингу*.) Она как раз сейчас под микроскопом... (*В телефон*.) Прекрасно, прекрасно... пожалуйста... и пришлите анализ в мою комнату... Да, спасибо... (*Вешает трубку*.) Анализ будет здесь через несколько минут... Надеюсь, ничего серьезного...

Левинг (*осматриваясь*). А все-таки все было по-другому, когда я жил в этой комнате...

Фергюссон (*рассеянно*). Профессор рассказывал мне...

Левинг. Профессор... О, я знаю, что он обо мне думает... Левинг — дурак, имел возможность стать крупным ученым, бросил любимое дело из-за красивого личика... (*Печально усмехается*.)

Фергюссон. Вам, видно, не повезло?

Левинг. Ну как пробиться бедному врачу, без денег, без влиятельных друзей, без связей?.. Жалко Кэтти... Она не рассчитывала на это... Скверный район... пациенты по четверть доллара... бедность... грязь... вечная нужда... (*Ка-*

чает головой.) О, проклятая медицина! Она требует человеческих жертв... Иногда я спрашиваю себя, во имя чего мы убиваем себя для нее?

Фергюссон. Я часто сам удивляюсь... Вспоминается пять долгих лет в университете, а чтобы прожить — случайные вечерние заработки...

Левинг. Вам, видно, тоже нелегко достался ваш докторский диплом...

Фергюссон. Удовольствия было мало, но я люблю эту работу..

Пауза.

Мой отец, бывало, говорил: человечество выше всего... Он был прекрасный человек, мой отец... типичный врач из маленького городка... Ему изменило сердце... Он знал, что, бросив медицину и занявшись работой полегче, он мог бы прожить еще лет двадцать... Но он хотел быть полезным, хотел умереть в упряжке... и добился своего... (Задумчиво.) Да... наше дело выше нас...

Левинг. Может быть, вы и правы... Но одно плохо... Нам, врачам, не следовало бы нуждаться в деньгах... С этой болезнью нас бороться не научили... Деньги или портят, развращают, убивают в нас душу, или губят нас в нищете, в борьбе за кусок хлеба...

Фергюссон (задумавшись). И все-таки мы не имеем права допускать, чтобы посторонние силы... или вещи... или даже люди вмешивались в нашу работу... И если они это делают, мы должны отбросить их прочь... Даже если придется разбить собственное сердце...

Левинг (удивленно смотрит на него). Я не совсем понимаю вас, доктор...

Фергюссон (заметив удивление Левинга, сразу останавливается). Простите, я, кажется, увлекся...

Стук в дверь, Фергюссон открывает, входит санитар.

Санитар. Доктор Фергюссон?

Фергюссон. Да.

Санитар. Из бактериологической лаборатории... (Передаёт анализ.)

Фергюссон. Ах, да, спасибо...

Санитар уходит.

(Собирается передать анализ Левингу, но предварительно взглядывает и внезапно останавливается.) Одну минутку...

Левинг (также внезапно насторожившись). Доктор Фергюссон... Это тот анализ?

Фергюссон (хрипло). Погодите... (Идет к телефону.) Бактериологическую лабораторию.

Левинг. Это анализ Кэтти?

Фергюссон (не отвечая ему). Бактериологическая? Доктор Финн?.. Говорит Фергюссон... Анализ, который вы только что прислали мне... Вы уверены?.. Проверьте еще раз...

Левинг. Что в анализе?.. Ради бога!..

Фергюссон (по телефону). Ах, если так, боюсь, что вы правы... (Медленно вешает трубку, оборачивается к Левингу, передает ему анализ.)

Левинг (берет, читает его, опускается на стул, руки дрожат. После молчания шепчет). Я предчувствовал это...

Фергюссон (сочувственно). У меня нет слов, чтобы...

Левинг. Туберкулез... Туберкулез в открытой форме... Моя бедная Кэтти... (Закрывает лицо руками.) Что с нами теперь будет?

Фергюссон (садится около него и мягко кладет руку на его плечо). Она еще поправится, вот увидите...

Молчание.

Вероятно, вам придется подыскать для нее более сухой климат...

Левинг (устало). Может быть... может быть... (Встает.) Но это значит отказаться даже от той небольшой практики, которую мне удалось добыть с таким трудом... Это зна-

чит начать прежнюю голодовку, пережить весь кошмар снова... Я не знаю, хватит ли нас на это... Мы уже не молоды... мы надломлены... *(Поворачивается к двери.)*

Фергюссон. Не смогу ли я быть полезен вам чем-нибудь?

Левинг. Нет... спасибо... Все равно выхода нет... *(Уходит, опустив голову.)*

Фергюссон смотрит ему вслед, качает головой. Входит Питт.

Питт *(облизывает губы)*. Друг мой, какой бифштекс я съел!.. *(Прищелкивает пальцами.)* Нет ли у тебя еще шоколада?

Фергюссон. Нет, я отдал тебе все.

Питт. Жалко! *(Подходит к радио и включает его.)*

Раздаются звуки фокстрота. Питт танцует под эту музыку, затем бросается с ногами на кровать.

Ну, ты все-таки используешь выходной?

Фергюссон. Нет.

Питт. Настроение плохое?

Фергюссон. Да.

Питт. Дружище, ты знаешь эту рыженькую лаборантку из рентгеновского? Сейчас встретил ее в ресторане... Разодета шикарно... Я глядел на нее минут десять, прежде чем узнал... Хотя, может быть, это потому, что я был увлечен своим бифштексом... Ну и соблазнительная штучка... На ней было, знаешь, такое черное шелковое платье... и абсолютно ничего под ним... Можно было даже разглядеть, что...

Фергюссон *(резко)*. Питт, мне нужно заниматься... Убирайся отсюда ко всем чертям!

Питт *(испуганно вскакивает с кровати)*. Послушай, тебе лечиться надо... Безусловно! *(Выходит с озадаченным видом.)*

Фергюссон выключает радио, в бешенстве ходит по комнате, затем бросается на кровать. Слышен легкий стук в дверь.

Фергюссон. Войдите!

Стук повторяется.

(Встает, кричит нетерпеливо.) Войдите, черт возьми!

Барбара открывает дверь и входит; она сама испугана своей смелостью.

Ах, это вы?..

Барбара (робко). Я пришла за вашими записками..

Фергюссон. Да, конечно... а я и забыл... Посмотрим...

Что вам надо?.. Микробиологию?..

Барбара. Да.

Фергюссон (открывает ящик письменного стола).

Они у меня где-то здесь...

Барбара (смущенно). Наверное, мне не следовало бы приходить к вам...

Фергюссон (просматривая бумаги). Гистология...

Биология... Нет, не то... А вот и микробиология... (Вынимает тетрадь, просматривает ее и передает ей.) Вот, возьмите, пожалуйста.

Барбара. Спасибо.

Фергюссон. Не за что... Надеюсь, эти записки вам помогут. (Идет к окну и смотрит в него, давая понять, что разговор окончен.)

Барбара (стоит минуту, ожидая; наконец, робко спрашивает). Что у вас... неприятности?..

Фергюссон. О, нет... нет! (Снова поворачивается к окну.)

Барбара (колеблется минуту, видит, что он забыл об ее присутствии, открывает дверь, выглядывает, но внезапно закрывает ее с восклицанием испуга). Какой ужас! Старшая сестра в коридоре!..

Фергюссон. Она видела вас? Подождите минутку, она сейчас уйдет... Присядьте пока...

Барбара. Спасибо... (После паузы взглядывает на него.) Вас, должно быть, расстроил доктор Кунингам? Уверены ли вы, что он не посмеет...

Фергюссон качает головой.

Барбара. Потому что, если он осмелится оклеветать вас, то я пойду и расскажу всем, всем... что произошло на самом деле...

Фергюссон. Нет, дело не в Кунингаме...

Барбара. Что же тогда с вами?

Фергюссон. Это... Не обращайтесь на меня внимания сегодня...

Барбара. Вы, наверное, очень много работаете?

Фергюссон *(внезапно кричит)*. Работаю?.. Еще бы! Что еще здесь можно делать, если не работать, опять работать и снова работать? *(Почувствовав, что Барбара удивленно смотрит на него.)* Давайте, посмотрим мои записки...

Барбара подает ему тетрадь. Он кладет тетрадь на стол и переворачивает страницы. Барбара стоит около него, тоже наклонившись над тетрадью.

Барбара. Вы знаете, когда я подумала, что Дорогги может умереть, у меня было такое чувство... я не могу выразить его...

Фергюссон. Я понимаю... я знаю это чувство...

Барбара. У вас тоже бывает?

Фергюссон. Да, Барбара, даже сейчас... Я устал от работы, от крови, от горя... А бедный паренек четыреста первый уже мертв... И жена Левинга тоже скоро умрет... *(Совсем тихо.)* И Лура хочет уйти... Порой просто не хочется самому жить...

Барбара *(сжимая его руку)*. Да, да, я часто испытывала это... На душе становится так одиноко...

Теперь Барбара стоит рядом с Фергюссоном. Он ласково смотрит на нее.

Фергюссон. Вас, сестер, здорово эксплуатируют здесь... Целый день, а иногда и ночь с больными...

Барбара. И только один выходной день в неделю до одиннадцати часов... Но я не пользовалась своим уже два месяца... Просто нет никого, с кем...

Они стоят вплотную друг к другу, Барбара почти шепчет последние слова.

Фергюссон. Вы славная девушка, Барбара...

Внезапный, произвольный, неожиданный для обоих поцелуй. Затем они отшатываются. Фергюссон смущен и взволнован.

Мне очень совестно, Барбара, я... (Идет к заметкам, открывает их.)

Пауза.

Эти заметки помогут вам... Вы справитесь, надеюсь.. (Передаёт ей тетрадь; смущенно.) Пожалуйста, не подумайте, что я...

Барбара. О, нет!.. нет!..

Фергюссон. Ну, спасибо... (Идет к двери, открывает ее, выглядывает.) Я иду в верхний коридор минут на пять... Дорога свободна... Вы выйдете через минуту... (Выходит.)

Барбара берет его тетрадь, медленно идет к двери, колеблется несколько мгновений, собирается выйти, внезапно останавливается, решив остаться, на несколько секунд прислоняется к двери, затем идет обратно в комнату, медленно кладет тетрадь на стол, идет к кровати, садится, снимает косынку, кладет ее на кровать около себя, сидит одна, ожидая.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение библиотеки. Заседание правления госпиталя. От медицинской части присутствуют Гордон и Хочберг, от коммерческой части — Спенсер, Хоутон и Раммонт.

Хоутон (*кончая читать отчет*). Двадцать восемь тысяч, плюс девятнадцать тысяч, плюс тридцать три тысячи, что суммарно составляет общий дефицит в сто шестьдесят три тысячи долларов... (*Качая головой*.) Придется еще сократить расходы...

Гордон. Но мы и так экономим на всем: на врачах, сиделках, технических работниках, жалованье, пище... даже на телефонах...

Хочберг. Экономим до абсурда...

Хоутон (*просматривая бумаги*). У вас слишком много сотрудников в лабораториях... Нельзя ли там сократить штаты?

Хочберг. Ни в коем случае... (*Объясняет очень терпеливо*.) Ведь эти-то лаборатории, мистер Хоутон, и составляют госпиталь... Большая часть нашей настоящей работы проводится в них... (*Улыбается и качает головой*.) Без бактериологической и химической лабораторий и рентгеновского кабинета мы беспомощны...

Раммонт (старается понять, в чем дело, что, видимо, ему не удастся). Беспомощны? В самом деле?

Хочберг. Абсолютно.

Раммонт. Гм... интересно... А я и не думал, что они так необходимы...

Хоутон. Но тогда... (Снова просматривает бумаги и качает головой.) Тогда я не знаю... сто шестьдесят три тысячи долларов в наше время... коммерческая часть считает...

Спенсер. Мы вернемся к этому вопросу позднее, мистер Хоутон... Профессор Гордон, нет ли у медицинской части каких-либо сообщений правлению?

Гордон (встает). Некоторые персональные назначения по аспирантуре, джентльмены... Список составлен на основе сравнительных испытаний... (Ищет в бумагах список, находит его и читает.) «Робертс, Фликерс, Браун, Фрэнкей, Керн, Монро...» Медицинская часть ожидает вашего одобрения этих кандидатур.

Хоутон (быстро). А где Тенайк?

Спенсер. Да, где Тенайк? Неужели вы не можете что-нибудь сделать для него?

Гордон. Тенайк? (Просматривает список, шепчет.) Тенайк... Тенайк... Ага, вот он... Джентльмены, Чарльз Тенайк сдал испытания четвертым от конца... в списке трехсот экзаменовавшихся.

Хоутон (с досадой). Сенатор Тенайк будет чертовски разозлен...

Раммонт. Я знаю этого юношу... Хорошо воспитан, из прекрасной семьи...

Хочберг. Я дал ему дополнительную переэкзаменовку... Форменный невежда..

Раммонт. Но он окончил медицинскую школу и имеет аттестат...

Хочберг. Как ему удалось его получить, я не знаю... (Многозначительно.) Но догадываюсь...

Гордон. Мы были к нему особенно снисходительны... Он просто ни на что не годен...

Спенсер. Его дядюшка подымет ужасный шум... Неужели юноша так безнадежен? Я советую медицинской части хорошенько продумать этот вопрос... Полагаю, мы пока воздержимся от окончательного решения.

Хочберг (*горячо*). Но ведь в списке — шесть лучших студентов.

Спенсер. Пусть будет пять лучших студентов и один племянник сенатора... Мистер Хоутон только что зачитал сообщение о нашем огромном дефиците...

Раммонт. Да, люди стали слишком бедны, чтобы болеть в наше время...

Хочберг. Именно теперь люди стали болеть, как никогда раньше...

Спенсер. Господа, не перебивайте... Два члена коммерческой части нашего правления, обычно покрывавшие часть расходов госпиталя, заявили мне, что не имеют возможности сделать это в текущем году, и просили меня передать вам их заявление о выходе из членов правления госпиталя...

Профессора переглядываются.

Это очень скверно... Итак, мне пришлось заняться поисками других филантропов, и, поверьте, это были крайне трудные поиски... Но, наконец... (*улыбается*) я нашел человека, согласившегося возместить наш дефицит...

Вздых облегчения со стороны профессоров.

Человека, хорошо известного своей филантропией, своей благородной душой, своими гражданскими и общественными заслугами... Я имею в виду мистера Джона Гудсона...

Хочберг (*удивленно*). Кого?

Спенсер. Если не ошибаюсь, он ваш постыдный пациент, профессор Хочберг?

Хочберг. Это верно... Но я почему-то не мог узнать его по вашему описанию...

Смех

Хочберг. Впрочем, этот человек и в самом деле будет полезен... Гудсон — крупный финансист. Он спасет госпиталь в эти тяжелые дни...

Спенсер (смеется). В таком случае, он волшебник. Я обсудил этот вопрос с ним и определенно заинтересовал его. Он ставит нам только одно небольшое условие.

Гордон (поспешно). Мы его принимаем.

Спенсер. Один из наших ординаторов через несколько дней женится на его дочери... Симпатичный паренек... брак по любви... Конечно, медицинские назначения находятся полностью в ваших руках, но, учитывая желание Гудсона, мы просим медицинскую часть предложить доктору Фергюссону доцентуру.

Хочберг. Фергюссону? Это невозможно.

Спенсер. Невозможно? Но почему? Серьезный, способный работник... к тому же он предполагает проработать год за границей под руководством мирового хирурга. Чем плохая кандидатура?

Хочберг. Он еще не созрел для этой работы.

Спенсер. Нет ли у вас персональной антипатии к этому молодому человеку?

Хочберг (рассерженно). Да нет же! (Встает.) Наоборот, я очень люблю его... И полагаю, что он подает надежды сделаться превосходным хирургом... когда-нибудь, но не за один же день... Перед ним долгие годы упорной работы. Доцентура сейчас означала бы для него переход к частной практике и конец для всякой научной работы...

Раммонт. А почему бы и нет? Он делает превосходную партию... При знакомствах его жены он сумеет вполне прилично устроиться...

Спенсер. В конце концов, профессор Хочберг, это его забота, а не ваша... Мы должны прежде всего думать о судьбе госпиталя.

Хочберг. Ваше мнение, профессор Гордон?

Гордон (медленно). По правде говоря, он, конечно, не подготовлен для доцентуры. Но... мы сумеем присмо-

треть, чтобы при более сложных случаях около него всегда находился кто-нибудь постарше и поопытней.

Хочберг. Другими словами, сделаем из него подставную фигуру... марионетку?

Раммонт. Ну и что за беда?

Гордон. Конечно, мы не вполне одобряем это назначение... Однако нам нужен Гудсон... и в конце концов Фергюссон тоже не младенец.

Спенсер (*одобрительно*). Вполне с вами согласен, профессор Гордон...

Хочберг (*Гордону*). Но разве ты не видишь, что...

Гордон. Друг мой, нам придется примириться... Вряд ли во всем Нью-Йорке ты сейчас найдешь госпиталь, который не закрыл бы своих бесплатных палат... Я знаю больше дюжины больниц, которые полностью закрыли целые этажи и корпуса. Если проводить дальнейшую экономию, то наши состоятельные пациенты, конечно, сумеют о себе позаботиться... Но что будет с твоими бедняками? Бесплатные палаты переполнены, несколько сот больных ожидают очереди...

Хоутон. Госпиталь стоит немалых денег, а где их взять?

Хочберг (*устало*). Вы правы... Я знаю все это... и нам приходится быть глубоко благодарными вам за вашу помощь.

Раммонт (*самодовольно*). Положение в обществе требует огромных расходов.

Хочберг. Хотя, безусловно, является преступлением перед обществом, джентльмены, что госпиталь должен зависеть от благотворительности частных лиц...

Члены правления переглядываются, не зная чувствовать ли себя польщенными или оскорбленными.

Пауза.

Спенсер (*прерывая паузу*). Итак, суммирую, господа... Мы ни в коем случае не можем отказаться от помощи Гудсона...

Хочберг. Я этого и не предлагаю... Я знаю, что мы не можем обойтись без поддержки наших... состоятельных друзей... Я прекрасно понимаю это... Выбирайте Гудсона в члены правления, передайте ему руководство госпиталем, используйте его финансовую поддержку. Но Фергюссону обещайте доцентуру к тому времени, когда он ее заслужит.

Спенсер. А когда это будет?

Хочберг. Через пять-шесть лет.

Хоутон (*рассерженно*). Вы забываете, что мы ведем переговоры с деловым человеком, а не с ребенком.

Спенсер (*сухо*). Я очень опасаюсь, что тогда Гудсон предложит нам зайти к нему по вопросу о покрытии дефицита также через пять-шесть лет.

Хочберг (*Спенсеру*). Почему вы так думаете?

Спенсер. Гудсон хочет, чтобы Фергюссон открыл свой кабинет и стал примерным мужем.

Хочберг. Он хочет? Ну что ж... Он может сделать из Фергюссона прекрасного мужа, но не хирурга.

Спенсер. Если вы не предоставите Фергюссону доцентуру, Гудсон не пошевелит для нас и пальцем.

Гордон. В этом мистер Спенсер, очевидно, прав.

Спенсер. Тогда разрешите представить мою рекомендацию на утверждение медицинской части?

Гордон. И мы утвердим ее... Не сомневайтесь в этом...

Хочберг. Это ужасно!

Гордон (*Хочбергу, тихо*). Что тебе дороже: Фергюссон или госпиталь?

Спенсер (*взглядывает на бумаги*). Ну, как будто повестка исчерпана... Есть что-нибудь еще, джентльмены? Мистер Хоутон?

Хоутон (*собирает бумаги и качает головой*). Нет...

Спенсер. Мистер Раммонт?

Раммонт (*смотрит на часы*). У меня ничего и не было...

Спенсер. Профессор Гордон?

Гордон. Одну секунду... Мистер Спенсер, поскольку вы собираетесь говорить с Гудсоном, не упомянете ли вы заодно о необходимости расширения нашего рентгеновского кабинета?

Спенсер *(веско)*. Сначала доцентура Фергюссона... потом расширение кабинета...

Гордон. Нет сомнения, Фергюссон получит доцентуру.

Хочберг. Да, получит... Но не примет.

Спенсер. Почему вы так думаете?

Хочберг. Я знаю этого юношу... Он слишком честен, слишком умен, чтобы пожертвовать наукой из-за роскошного кабинета и легкой практики... Кроме того, ему просто нехватит времени. Ведь он собирается работать со мной.

Спенсер *(улыбаясь)*. На этот счет вы несколько заблуждаетесь... Мальчик безумно влюблен в Лауру и смотрит на весь мир ее глазами... Еще вчера вечером я обедал у Гудсона и говорил с Фергюссоном относительно доцентуры... Он в восторге от этой мысли.

Хочберг *(недоверчиво)*. Он сказал вам это?

Спенсер. Конечно... И почему бы нет? *(Оглядывается.)* Больше ничего, джентльмены? Заседание правления госпиталя объявляю закрытым.

Все, за исключением Хочберга, разговаривая, уходят. Хочберг подавлен, растерян.

Хочберг. Неужели Джордж... мой мальчик?..

Кунингам *(входит, сердито оглядываясь по сторонам)*. Здравствуйте, Хочберг... Где Фергюссон?

Хочберг. Его здесь нет.

Кунингам. Я пытаюсь разыскать его, начиная с двенадцати часов... Где же он, наконец?

Хочберг. Не знаю... Он должен быть где-нибудь в госпитале.

Кунингам. Я поручил ему вывести катетером мочу у триста двадцать седьмого номера.

Хочберг. Триста двадцать седьмой? Фергюссон как будто уже сделал это сегодня утром.

Кунингам. Разве? Ну, все равно, ему нужно вторично ставить катетер... Пузырь переполнен...

Хочберг. Я немедленно пошлю одного из ординаторов...

Кунингам. Не беспокойтесь... Я сделаю и сам... Ну и работничек же ваш хваленый Фергюссон! (Уходит.)

Хочберг. Я не узнаю Джорджа... Лаура совсем сбила его с толку.

Входят Питт, Ренн и Шорти.

Где сейчас Фергюссон?

Питт. Кажется, он ушел.

Шорти. Со своей невестой.

Хочберг. Когда он придет, пусть разыщет меня. (Уходит.)

Питт. Ребята, этот пациент триста десятый... с удовольствием закатил бы ему дюжину шприцев с тупым концом... чтобы крепче чувствовал!

Шорти. У тебя самого желчный пузырь разыгрался, обжора...

Питт. Замолчи, бабник! Этот негодяй пригласил меня разделить с ним обед... Сказал, что ему приготовят меню по особому заказу. Я, конечно, принял его приглашение. А у этого подлеца, оказывается, не в порядке пищевод, и его у нас кормят... чем бы вы думали?... питательными клизмами! Ничего себе угощение?

Все хохочут. Фергюссон и Лаура показываются у двери; они веселы, смеются. Фергюссон входит в библиотеку. Лаура останавливается в дверях.

Фергюссон. Войди же.

Лаура. Удобно ли?

Ординаторы хором уверяют, что вполне удобно.

Фергюссон. Меня спрашивали?

Ренн. Раз двадцать... Где ты так задержался?

Лаура. Вы бы только взглянули на моего героя... Когда он посмотрел на часы, то перепугался досмерти.

Фергюссон. А кто из нас не боится Хочберга? Вот это человек!.. Для него медицина не профессия, а жизнь... *(В восторге качает головой.)* Замечательный человек! Я хотел бы быть похожим на него, когда состарюсь.

Питт. Вряд ли тебе это удастся, Джордж... Большинство врачей умирает очень молодыми.

Лаура испуганно взглядывает на Фергюссона.

Шорти. Это верно... Напряженная работа приканчивает нашего брата к сорока пяти... Сердце изнашивается...

Лаура *(делает гримасу)*. Вот приятная перспектива... для невесты врача...

Питт. Поэтому я и провозглашаю: ешьте, пейте, веселитесь, ибо! завтра... фьють!

Ренн. Джордж, тебя искал Хочберг... Кунингам что-то успел насплетничать ему.

Фергюссон. Чего этому Кунингаму надо от меня?

Питт. Еще раз поставить катетер триста двадцать седьмому.

Фергюссон. Снова? Он кончит тем, что добьется у больного воспаления канала. *(Берет трубку.)* Алло!.. Разыщите Кунингаму... Говорит Фергюссон... Я в библиотеке...

Питт. За последнее время Кунингам просто заваливает тебя грязной работой.

Шорти. Чем ты ему не угодил? Поцеловал его бабушку?

Фергюссон. Все это чепуха! Еще два дня, и я отправлюсь в Европу.

Лаура. Кто этот очаровательный Кунингам?

Фергюссон. Неважно, дорогая... Сейчас важно одно: Швейцария...

Шорти. Какие там, наверно, женщины!..

Питт. Какой там, наверно, шоколад с молоком!..

Телефонный звонок.

Фергюссон (в трубку). Доктор Кунингам? Да... слушаю. Да... вы вполне правы... Да... (Подмигивает остальным.) Да... да... слушаю, доктор...

Шорти. Вы не закусите с нами, Лаура?

Питт (мрачно). Паршивый госпитальный обед...

Лаура (смеясь). Только что пообедала, благодарю вас.

Питт (жадно). Хорошо покушали?

Лаура. Восхитительно!

Питт (завистливо вздыхает, печальным голосом). А мне придется удовлетвориться манной кашей с киселем.

Шорти. Так вы не присоединяетесь к нам, мисс Гудсон?

Лаура. Я сыта... до сих пор. (Показывает на горло.)

Питт. А я голоден... Ну, до свидания...

Шорти, Питт и Ренн уходят, разговаривая.

Фергюссон (все еще у телефона). Да... абсолютно правильно, доктор... Будет сделано... не беспокойтесь... (Вешает трубку.)

Лаура. Могу я закурить здесь?

Фергюссон. Конечно... Не бойся... (Внимательно берет коробку спичек и дает ей закурить папиросу.) Как ты хороша, любимая моя...

Лаура. Милый!.. Я никогда не видела тебя в таком прекрасном настроении...

Фергюссон. Ты знаешь, Лаура, я люблю этот старый госпиталь и все же, клянусь, не могу дождаться, когда вырвусь из него.

Лаура. Вчера вечером я было начала беспокоиться... Ты выглядел таким мрачным после разговора со Спенсером... Я все боялась, что ты можешь изменить свое решение.

Фергюссон. Ни в коем случае!

Лаура. Тебя не волнует твое назначение?

Фергюссон. Нет... Я буду в восторге... если только получу его.

Лаура (*убежденно*). Ты его получишь.

Фергюссон. Откуда ты знаешь?

Лаура. Я говорила с папой.

Фергюссон. При чем тут твой отец? (*Внезапно становясь серьезным*.) Как ты думаешь, мистер Спенсер уже сделал предложение правлению?

Лаура. Может быть.

Фергюссон. Надеюсь, что еще нет.

Лаура. Почему?

Фергюссон. Видишь ли, я хотел бы сначала посоветоваться с Хочбергом.

Лаура (*смеется*). Почему ты так его боишься? Он тебя не укусит... (*Подозрительно*.) Или ты рассчитываешь, что постоянные отсрочки помогут тебе изменить наше решение... и снова работать с Хочбергом, когда мы вернемся из Европы?

Фергюссон. Нет, уверяю тебя...

Лаура. Потому что, если так, то, предупреждаю тебя, я просто исчезну с горизонта, Джордж.. Даже если мы поженимся... Ты придешь как-нибудь вечером домой и... не найдешь меня...

Фергюссон (*берет ее за руку, нежно*). Замолчи, слышишь? Просто я не хочу показаться неблагодарным... Хочберг для меня так много сделал...

Лаура. Он, вероятно, найдет на твое место кого-нибудь другого.

Фергюссон. Конечно, найдет... (*Улыбаясь, с сожалением*.) Я не знаю ни одного начинающего врача, который не отдал бы полжизни за возможность поработать с Хочбергом.

Лаура (*нетерпеливо перебивая*). Я люблю Хочберга и уважаю его, но он так похож на моего отца... У них нет никаких посторонних интересов. Они плоские, бесцветные карикатуры на мужчин... Не делайся похожим на них, Джордж. Не старайся быть слишком ученым и умным... и не надорвись к сорока пяти годам. Я хочу, чтобы наша со-

вместная жизнь была яркой, богатой и красивой... О, я так хочу этого...

Фергюссон (*пылко*). Так и будет!.. (*Влюбленно смотрит на нее.*) И подумать только... Ведь был день, когда я думал, что смогу прожить без тебя...

Лаура. Что? Когда?

Фергюссон. Никогда!.. (*Целует ее.*)

Входит Джемсон; увидя их, с улыбкой отворачивается.

Что вам?

Джемсон. Миссис Андрени... мать того мальчика, которого доставили сегодня утром... она в коридоре и страшно волнуется...

Фергюссон. Направьте ее к Ренну.

Джемсон. Нет, она хочет видеть только вас.

Фергюссон. Но я ничего не сумею сказать ей сейчас.

Джемсон. Я знаю, доктор... Но она настаивает и не хочет уходить.

Фергюссон. Какой смысл? Мы все равно не будем знать до утра, выживет он или нет.

Пожилая женщина пытается войти. Джемсон удерживает ее.

Ничего не поделаешь... Впустите ее, мисс Джемсон.

Андрени (*пожилая итальянка*). Доттори... Доттори... Он здоров, да?

Фергюссон. Пока еще ничего не могу сказать.

Андрени. Он будет живой?.. Доттори..

Фергюссон. Завтра... завтра... Приходите опять завтра, матушка... Мы будем знать тогда...

Андрени. Завтра?..

Фергюссон. Да.

Андрени. Мамма миа!.. Завтра... О доттори... Пожалуйста... не дайте мой мальчик умирать...

Фергюссон. Я сделаю все, что смогу, матушка... А вы старайтесь не слишком волноваться.

Джемсон. Пойдемте отсюда.

Андрени (Джемсон): О мисс... он мой один мальчик. (Лауре.) Он самый лучший мальчик на весь свет... Если он будет умирать, я тоже буду умирать... (Громко молится по-итальянски.)

Джемсон. Пойдемте, прошу вас... (Уводит ее.)

Входит Хочберг, останавливается, смотрит на них, затем поворачивается к Фергюссону.

Лаура. Алло, Хочберг!

Хочберг. Алло, Лаура! (Фергюссону.) Кто это был?

Фергюссон. Миссис Андрени... Мать того мальчика... Автомобильная катастрофа сегодня утром...

Хочберг. А, да, да... я знаю... Ты дал ему дозу противостолбнячной сыворотки?

Фергюссон. Доктор Ренн позаботился об этом.

Хочберг. Прекрасно! (Взглядывает на часы.) Где ты пропал с двенадцати часов?

Фергюссон (виновато). Я задержался несколько больше, чем рассчитывал.

Лаура. Важное дело, дядя Хочберг... Примерка подвенечного платья. Ведь послезавтра свадьба.

Фергюссон. Я оставил Ренна подежурить вместо себя. Я не рассчитывал, что задержусь больше получаса.

Хочберг. Между тем, прошло два часа.

Фергюссон. Простите, профессор, это больше не повторится.

Хочберг. Надеюсь, что нет. (Его сердитый тон уступает место обычному.) Не распускайся... Тебе осталось протянуть всего пару дней.

Пауза.

(Внимательно смотрит на Фергюссона и, наконец, спрашивает.) Джордж, я кое-что слышал сегодня утром... И не совсем уясняю себе, как это понять...

Пауза.

Хочберг. Ты все еще хочешь достигнуть чего-либо в медицине?

Фергюссон. Конечно.

Хочберг. Ты серьезно хочешь этого?

Фергюссон. Да.

Хочберг (Лауре). Ты любишь Джорджа, правда?

Лаура. Вы сами знаете, что да, дядя Хочберг.

Хочберг. Я тоже так думаю и знаю, что ты хочешь помочь ему... но ты выбрала неправильный путь... Лаура, поверь мне, никто не может помочь Джорджу, кроме него самого и тяжелой, систематической работы. Знаний нельзя купить. Он должен их заработать. (Фергюссону.) Это назначение, о котором они говорили с тобой, Джордж... Ты не готов для него...

Фергюссон. Я надеялся, что после года работы с Зауэрбрухом я...

Хочберг. Один год... (Качает с сомнением головой.)

Фергюссон. Это не значит, что я брошу свои занятия...

Хочберг все еще качает головой.

Лаура. В конце концов Джордж работал ужасно много до сих пор, и если это назначение облегчит ему...

Хочберг. Медицина не знает легких путей, Лаура...

Лаура (пожимая плечами). Не могу понять, каким образом доцентура может помешать Джорджу...

Хочберг. На свете есть много вещей, Лаура, которых ты еще не можешь понять.

Лаура. У нас тогда останется хоть немного времени для себя.

Хочберг. Времени? Каким образом? В сутках только двадцать четыре часа... Он будет работать со мной, и если... (Внезапно останавливается, догадавшись о правде.) Или... он не будет? (Фергюссону.) Неужели ты...

Фергюссон (решительно). Профессор, я никогда не уклонялся от прямого ответа и не собираюсь делать этого

сейчас... Лаура и я молоды... Мы любим друг друга... Я хочу получить от жизни еще кое-что, кроме работы... Неужели я требую слишком многого?

Хочберг (горько). Понимаю, понимаю..

Пауза.

Так ты решил не работать со мной в будущем году?

Молчание.

Лаура (отвечает оправдывающимся тоном). Дядя Хочберг, мы думаем, что будем счастливее, если...

Хочберг. Конечно, Лаура... Это ваша жизнь: твоя и Джорджа... Вы одни имеете право решать, что вы с нею сделаете...

Пауза.

(Стараясь скрыть обиду.) Как здоровье отца?

Лаура. Так себе... У него иногда случаются небольшие приступы.

Хочберг. Все еще курит, полагаю?

Лаура (кивает головой). Когда меня нет поблизости.

Хочберг. Что ж, не давайте ему работать слишком много.

Лаура. Как будто я могу чем-нибудь помочь! Вы же знаете папу... Он всегда все делает по-своему...

Хочберг (взглядывает на Фергюссона, затем на Лауру и многозначительно подтверждает). Да, всегда по-своему. (Затем поворачивается к Фергюссону.) Тебе следует надеть халат, Джордж... Скоро нам придется провести срочную операцию. В хирургическое отделение полчаса назад доставили новую пациентку. Экстренный случай...

Фергюссон. Кто она?

Хочберг. Одна из наших сестер.

Фергюссон. Как ее имя?

Хочберг. Не помню... такая славная молчаливая девушка из детской палаты... Ах, да... Денинг... Барбара Денинг...

Фергюссон (*растерянно*). Я помню ее... превосходная сестра...

Хочберг. Бедное дитя! Тяжелая форма заражения...

Фергюссон. Это ужасно!.. Что, она... очень плоха?

Хочберг. Температура больше сорока.

Фергюссон. Что у ней? Гнойный аппендицит?

Хочберг (*кивая головой*). Нет... последствие неудачного аборта.

Фергюссон (*бледнеет*). Аборта?!

Хочберг. Да... бедная девушка... Какой-то негодяй бросил ее в таком положении... Подумать, что в одном нашем городе делается свыше двухсот тысяч абортов в год и несколько тысяч женщин гибнут во время операции или от ее последствий... И вот еще одна очередная жертва... Ну, что же, попытаемся хоть сейчас сделать, что сможем... Встретимся в операционной, Джордж, через пять минут.

Входит Ренн. Хочберг поворачивается к двери. Фергюссон стоит растерянно.

Ренн. Этот маленький итальянец все еще без сознания, профессор. Да и нижняя челюсть у него, видимо, не в порядке.

Фергюссон (*проводя рукой по лицу*). Что?

Ренн. Она выпячена, несколько заострена... Боюсь, что развивается столбняк.

Хочберг. Не может быть так скоро... Во всяком случае вы, конечно, дали ему сыворотку?

Ренн. Я? Сыворотку?.. (*Бросает быстрый взгляд на Фергюссона.*) Нет.

Хочберг. Как... нет? (*Гневно.*) Разве вы не знаете, что противостолбнячная сыворотка является обязательной в таких случаях?

Ренн. Да, сэр, но... (*Фергюссону.*) Ты не сказал мне... я думал, что ты сам уже впрыснул...

Хочберг (*кричит*). Доктор Фергюссон, что это значит?

Фергюссон (смущенно). Я собирался сказать ему об этом... вероятно... я забыл...

Хочберг. Забыл? Разве такие вещи забывают? Ты должен был дать сыворотку сам.

Лаура. Это моя вина, дядя Хочберг... Я утащила его... Мы опаздывали...

Хочберг. Это не извинение!.. Ему вообще не полагается уходить из госпиталя... Тем более при наличии таких тяжелых больных... Вы знали это, доктор Фергюссон?

Фергюссон (виновато). Да, я знал это, сэр.

Хочберг. Немедленно введите больному сыворотку.

Фергюссон. Слушаю, сэр. (Уходит.)

Хочберг (поворачивается к Лауре, взглядывает на нее затем качает головой и медленно говорит). Лаура, ты заслуживаешь, чтобы тебя высекли.

Лаура смотрит сердито и вызывающе, но ничего не отвечает.

Неужели ты не понимаешь, что от того, как работает Джордж, зависит жизнь или смерть других людей?

Лаура (упрямо). Конечно, понимаю.

Хочберг (очень тихо, почти про себя). Нет... нет... как видно, не понимаешь... (Громче.) Может быть, ты хочешь посмотреть сама?

Лаура. На операцию?

Хочберг. Да... Тебе будет полезно убедиться, что означает для жизни людей наша работа.

Лаура. Ну, что ж... пожалуй...

Хочберг. Доктор Ренн! Проводите мисс Гудсон наверх, устройте, чтобы ей выдали косынку и халат, и проведите ее в операционную через (смотрит на часы) три минуты.

Ренн удивленно смотрит на него.

Я разрешаю ей присутствовать при операции Барбары Денинг.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Операционный зал. Общее впечатление острой, белой, сверкающей чистоты. Много света. В середине зала оцинкованный операционный стол, направо стерилизационная с блистающим никелем автоклавом, сквозь крышку которого выбивается пар. Слева несколько умывальников, над которыми полки со стерильными щетками и жидким мылом. Около них два эмалированных сосуда с надписью «сулема», а также столик с резиновыми перчатками. На сцене мисс Джемсон и две сестры в белых масках и резиновых перчатках; у них у всех быстрые, спокойные и точные движения, напоминающие призрачных автоматов. Входит Фергюссон.

Фергюссон (Джемсон). Как она?

Джемсон печально качает головой.

Температура?

Джемсон. Сорок и восемь.

Фергюссон. Почти сорок один.

Джемсон. Да.

Фергюссон. Без сознания?

Джемсон. Была раньше. Она все время звала вас...

Фергюссон (хрипло). Меня?

Джемсон. Да.

Фергюссон. Бедняжка!..

Джемсон. Она спокойнее сейчас...

Фергюссон (поворачиваясь). Я пройду к ней.

Джемсон (удерживает его). Нет, не надо... Увидя вас, она может снова начать бредить.

Фергюссон (в отчаянии). Никогда не предполагал, что это может случиться...

Джемсон. Как и все мужчины... в таких случаях...

Фергюссон (взволнованно). Почему она не пришла ко мне? Почему она не рассказала? Почему она избегала меня?

Джемсон. Это отчасти моя вина... Три месяца назад, когда я заметила, что она влюбилась в вас, я рассказала ей, что вы любите другую женщину и собираетесь женить-

ся... Я также посоветовала ей держаться подальше от вас... Я тогда еще не знала, что она уже...

Фергюссон. Понимаю... Так вот почему... А я думал, что после того вечера она поняла, как безумно вели себя мы оба.. Я думал, что она, по крайней мере, сумела позаботиться о себе... Но когда это случилось, вы должны были рассказать мне... Почему вы позволили ей сделать это?

Джемсон. Я не знала об этом до вчерашнего вечера... А тогда уже было слишком поздно...

Входит Хочберг.

Хочберг (Джемсон). Где же шприц?

Джемсон. Сию секунду, профессор.

Хочберг (Фергюссону). Вы занялись маленьким итальянцем?

Фергюссон. Да, сэр... Дал ему сыворотку... Он в сознании теперь...

Хочберг. А что с его челюстью?

Фергюссон (автоматически). Легкий вывих... Вставил на место и забинтовал... Дальнейших признаков внутренних повреждений не имеется... Я распорядился сделать рентгеновский снимок.

Хочберг. Правильно.. Есть боль?

Фергюссон. Жаловался на незначительную боль общего характера.

Хочберг. Дал ему немного морфия?

Фергюссон. Нет, сэр.

Хочберг. Почему?

Фергюссон. Поскольку это несчастный случай, я не хотел маскировать возможных внутренних повреждений.

Хочберг (одобрительно). Так, так, хорошо, мой мальчик... (Джемсон.) Скажите, мисс Денинг была вашим другом?

Джемсон. Не совсем, сэр... разница в возрасте... но я полюбила ее...

Хочберг. Она в очень опасном положении. Следует уведомить ее родственников.

Джемсон. У нее их нет.

Хочберг. Нет? Тогда друзей.

Джемсон (*качая головой*). Таких, которым было бы интересно, тоже нет.

Хочберг (*Фергюссону*). Какая жалость! Бедная девочка!.. Послушайте, Ренн, перед операцией следует... (*Отходит с Ренном.*)

Джемсон. Ей не к кому обратиться за помощью... И в довершение всего ее выгонят из госпиталя.

Фергюссон (*горячо*). Они не посмеют...

Джемсон. Еще как посмеют... И ее теперь не примут ни в какую другую больницу... Может быть, самое лучшее для нее сейчас — это умереть.

Фергюссон. Что вы говорите? Она не может умереть... Она так молода...

Джемсон. А как жить? У нее даже нет ни гроша за душой.

Хочберг и Ренн подходят.

Ренн. Несчастливая девушка!.. Почему они обращаются к таким мясникам?

Хочберг (*горячо*). Что вы, с луны свалились, Ренн? А что же ей, несчастной, оставалось делать? Подумайте, может ли в нашей стране прожить одинокая девушка с незаконным ребенком на руках?.. Кто бы дал ей работу? Кто бы сдал ей хоть угол под жилье? Где бы учился и с кем играл ее несчастный ребенок? И бедную женщину и ее бесправную крошку ожидала одинаковая участь, страшная, как смерть... Их бы затравили, замучили, да просто задушили бы под тяжестью всеобщего презрения... Увы, Ренн, некоторые из наших законов и обычаев напоминают о средних веках...

Фергюссон (*взволнованно*). Каков ваш диагноз, профессор?

Хочберг. У пациентки, несомненно, гнойное заражение матки.

Фергюссон. Считаете ли вы операцию неизбежной?

Хочберг. Абсолютно... При аборте имело место тяжелое прободение матки... Единственная надежда на спасение состоит в полном удалении поврежденного органа.

Фергюссон. Эта девушка работала в детской палате... Она просила поместить ее туда, потому что любит детей... Так несправедливо лишать ее возможности иметь собственного ребенка...

Хочберг. Ничего не поделаешь... Слишком поздно! Мы попытаемся спасти хоть ее жизнь — если сумеем. (Джемсон.) А мужчина, который ответственен за это...

Фергюссон вздрагивает.

Знает ли он, что случилось?

Джемсон (бросает быстрый взгляд на Фергюссона). Полагаю, что... да...

Хочберг. Гм... Гм... Кто этот человек?

Пауза.

Джемсон. Я... не знаю...

Хочберг. Если сумеете разыскать его, то поставьте в известность... Пусть полюбуется, до чего довел бедную девушку... Однако пора начинать... (Джемсон.) Пациентка готова?

Джемсон. Да.

Хочберг. Прекрасно! Предварительно впрысните ей шприц морфия... (Передает Джемсон шприц.)

Джемсон. Слушаю, сэр. (Выходит.)

Хочберг (Фергюссону). Распорядитесь немедленно принести ее.

Фергюссон (по телефону). Пожалуйста, пошлите носилки за триста сорок второй... Срочно... (Выходит.)

Хочберг (Ренну). Вызовите наркотизатора.

Ренн. Я сам проведу наркоз, если позволите.

Хочберг. Пожалуйста.

Ренн. Общий наркоз? Эфиром?

Хочберг. Разумеется.

Ренн. Хорошо, профессор. (Отходит.)

Хочберг (хлопает в ладоши, громко). Прошу подготовиться к операции... Удаление матки в результате abortивного прободения...

Входит одна из сестер с Лаурой, одетой в халат и косынку. В течение следующей сцены происходит подготовка к операции. Одна сестра выходит из стерилизационной, неся дымящийся паром поднос с инструментами, ставит его на столик около операционного стола и разбирает их. Слышно звяканье перебираемых инструментов. Ренн погружает свои руки в сосуд с сулемой. Питт у умывальника чистит ногти специальной палочкой. Шорти скребет руки длинными ритмическими движениями щетки. Они тихо разговаривают между собой. Затем Ренн вынимает руки из сосуда, подымает вверх так, что вода стекает до локтей, затем отходит, держа руки в стороне от туловища, и подходит к биксу (стерилизационному аппарату), откуда сестра вынимает салфетку. Он вытирает руки и бросает салфетку в таз на полу. Сестра вынимает пинцетом салфетку из стеклянного тазика с надписью «спирт». Ренн вытирает салфеткой руки и также бросает ее в таз. После этого Ренн идет к другому биксу, открывающемуся движением ножной педали. Сестра достает из бикса халат и одевает его на Ренна: Санитарка завязывает халат сзади. Затем сестра достает из третьего бикса маску и также одевает ее на Ренна, причем санитарка завязывает маску сзади. Ренн подходит к операционному столу, первая сестра открывает бикс и щипцами вынимает пару перчаток. Ренн пудрит руки, сестра растягивает слегка резиновые перчатки, и Ренн просовывает в них руки одну за другой. Вместе с ним то же проделывает Питт и Шорти, затем Хочберг. Эта процедура производит впечатление хорошо действующей, слаженной машины.

Сестра, вошедшая с Лаурой. Ну как, удобно? Лаура. Вполне.

Ренн (Лауре). Выглядите настоящей сестрой.

Лаура (нервно улыбаясь). Благодарю вас.

Хочберг. Алло, Лаура!

Лаура. Алло, Хочберг! (Идет к нему.)

Хочберг (останавливает ее быстрым жестом). Стой там, в углу, не подходи к нам... Ты полна микробов...

Лаура (удивленно). Не может быть!..

Пауза.

Хочберг (оборачивается к Лауре). Ну, как ты себя чувствуешь?

Лаура (стараясь скрыть свое нервное состояние). Превосходно!

Хочберг (с сомнением). Гм... не думаю.

Лаура (кокетливо). Ну, а как я выгляжу?

Хочберг. Очень мило... Ты можешь смотреть на все, но не попадайся нам по дороге и, главное, ничего не трогай... Лучше всего держи руки за спиной... Послушайте, сестра...

Сестра подходит.

Прежде чем мисс Гудсон подойдет к столу, оденьте ей маску... Также принесите стул и поставьте его около операционного стола... Я хочу, чтобы она ничего не пропустила...

Лаура. Спасибо, дядя Хочберг.

Хочберг. Не за что, Лаура.

Ренн (Хочбергу). Можно начинать, профессор?

Хочберг. Скорее, Ренн.

Ренн. Санитар!

Санитар входит.

Санитар. Да, сэр?

Ренн. Доставьте больную...

Два санитара приносят Барбару и кладут ее на операционный стол. Ренн наклоняется над ней и щупает пульс. Хочберг также подходит. Лаура идет вслед за ним.

Лаура (Хочбергу). Какая она молоденькая!.. Подумать страшно... (Дотрагивается до его руки.)

Хочберг (сердито). Что ты наделала?.. Теперь надо менять перчатки... (Поспешно отходит в угол, где ему сестра меняет перчатки.)

Фергюссон (входит, подготовленный к операции, и, не замечая Лауры, подходит к Ренну). Как она, доктор?

Барбара (заметив Фергюссона, тихо). Джордж!..

Фергюссон (инстинктивно). Да?..

Барбара (испуганно). Что они хотят делать со мной?

Фергюссон (успокаивающе). Тебе нечего бояться, Барбара...

Барбара (умоляюще). Ты не позволишь им повредить мне?

Фергюссон. Нет, конечно, нет...

Барбара (нежно). Ты будешь со мной, Джордж, дорогой? Пожалуйста, не уходи от меня...

Фергюссон (колеблется мгновение, потом решительно). Я буду с тобой, Барбара...

Барбара (благодарно). Спасибо, дорогой... я так люблю тебя... Теперь я не боюсь умереть... (Ее голова падает.)

Во время этой сцены Лаура стоит неподвижно, растерянная. Ренн удивленно смотрит на Фергюссона, потом на Лауру.

Ренн. Послушайте, отойдите от стола... Дайте подготовить ее к операции...

Лаура и Фергюссон отходят от стола.

Лаура (взволнованно). Джордж, что все это значит?

Фергюссон (вскрикивает). Ах, ты здесь? Лаура, поверь, мне очень тяжело...

Лаура. Джордж, неужели?.. (Протягивает к нему руку.)

Фергюссон (отшатнувшись). Нельзя... Не прикасайся ко мне... отойди подальше...

Лаура (запинаясь). Скажи правду... у тебя была связь... с этой девушкой?

Фергюссон (очень тихо). Да...

Хочберг (наклонившись над Барбарой, зовет). Доктор Фергюссон, пора...

Сестра (подбегает к Фергюссону). Доктор Фергюссон, больная готова...

Фергюссон (тихо). Прости, Лаура... (Решительно.) Хорошо, я иду... (Идет к операционному столу.)

Сестра (Лауре). Если хотите наблюдать, подойдите ближе... Вот ваша маска... Я сейчас принесу стул...

Лаура (*дрожащим голосом*). Нет, спасибо... С меня хватит...

Сестра. Что с вами? Подойдите поближе к окну... Вам плохо? Хотите воды?

Лаура (*со слезами*). Нет... нет!.. Мне ничего не нужно!.. Мне теперь ничего не нужно!.. (*Срывает косынку и, рыдая, убегает.*)

Сестры смотрят друг на друга и улыбаются.

Первая сестра. Новенькая...

Вторая сестра. Первокурсница, должно быть.

Первая сестра. Ничего, привыкнет.

Обе тихо смеются.

Хочберг (*громко*). Вы готовы, доктор Ренн?
Ренн. Готов.

Хочберг. Вы готовы, доктор Фергюссон?
Фергюссон. Готов.

Операционный стол освещается юпитером, свет в остальной комнате постепенно меркнет, и только стол выделяется ярким световым пятном.

Хочберг. Начинаем... (*Протягивает руку.*) Скальпель...

Сестра передает скальпель, Хочберг наклоняется над пациенткой. Доктор и сестры обступают стол, закрывают оперируемую от глаз публики. Наступает тишина, прерываемая краткими распоряжениями Хочберга и Фергюссона, моментально и бесшумно выполняемыми.

Фергюссон. Салфетку...

Хочберг. Пинцет...

Фергюссон. Пинцет...

Хочберг. Иглу...

Свет в комнате гаснет окончательно, и операционный стол выделяется беспощадно ярким пятном в окружающей темноте. Под последние реплики занавес медленно опускается.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Фергюссона. Следующее утро. Шторы опущены, комната в полумраке. Никого нет. Стук в дверь, затем входят Питт, Шорти и Ренн, оживленно разговаривая.

Питт. Где же Фергюссон?

Шорти. Наверно, повесился.

Питт. Впору повеситься.. Как она ему заявила! «Я люблю тебя... теперь не боюсь умереть...» А он стоит, бледный... как статуя...

Шорти. У Лауры тоже был довольно глупый вид.

Питт. Можно было подумать, что оба они три дня ничего не ели.

Шорти. По-моему, Фергюссону теперь оставаться в госпитале неприлично.

Ренн. Не повезло бедняге.

Питт. А как он быстро шел... к деньгам, карьере.

Шорти. Плевать на деньги... Я ими не интересуюсь... Но Лаура — девочка первый сорт... Я бы сам от нее не отказался.

Питт. Меня, признаться, больше интересуют деньги... Сколько бы на них можно было съесть вкусных вещей!.. Подумать страшно... И все в лучших ресторанах... хоть шесть раз в день...

Ренн. Да, этот брак теперь вряд ли состоится... И в госпитале ему не работать... Жалко Джорджа...

Шорти. Ну, пойдём, ребята... Теперь моя очередь поухаживать за Лаурой.

Питт. Кстати, пора завтракать.

Питт, Шорти и Ренн уходят. Входит Фергюссон. Он не раздевался, костюм смят, волосы растрепаны, глаза покраснели. Он устало бросается на кровать. Стук в дверь. Фергюссон не оборачивается. Стук повторяется, Фергюссон все еще остается без движения. Дверь медленно отворяется, входит Хочберг.

Хочберг (*ласково*). Доброе утро, Джордж.

Фергюссон. А, это вы, профессор... Доброе утро.

Хочберг подымает занавески — в комнату врывается сноп света и ослепляет Фергюссона, который отворачивается и трет глаза.

А я и не знал, что так поздно.

Хочберг. Прекрасная погода, не правда ли?

Фергюссон. Да... (*Устало встает, идет к умывальнику. В течение следующей сцены умывается и причесывается.*)

Хочберг. Ты знаешь, Джордж, раз температура у мисс Денинг сегодня утром понизилась, она, вероятно, поправится... Сестра сказала мне, что ты просидел у ее кровати всю ночь... Это правильно... Гм... как поживает наш маленький итальянец?

Фергюссон (*устало*). Я проверил рентгеновский снимок и, за исключением легкого растяжения левой ноги, никаких повреждений не нашел.

Хочберг. Ему здорово повезло. Он выглядел сильно помятым.

Фергюссон (*оканчивает свой туалет. Решительно*). Дорогой профессор... Я кое-что должен сообщить вам...

Хочберг (*поспешно*). Я уже знаю... Ренн рассказал мне...

Фергюссон (*горько*). Вы, наверное, считаете меня порядочным подлецом?

Хочберг. Джордж, Джордж, не надо...

Фергюссон (*горячо*). Поверьте, я ничего не знал об этом... до вчерашнего дня... Я бы не позволил ей... клянусь, я бы не позволил...

Хочберг. Да, это тяжелая история...

Фергюссон. Несчастливая девушка... Меня следовало бы пристрелить, как бешеную собаку...

Хочберг. Я не совсем согласен с тобой, Джордж. Разве ты вынудил ее на эту связь? Ведь она пришла к тебе по собственной доброй воле... Тогда почему же ты так сильно мучаешь себя?

Фергюссон (*в отчаянии*). Профессор, вы не знаете, что ее ожидает в будущем...

Хочберг. Нетрудно догадаться...

Фергюссон. Если бы она была легкомысленной девушкой, тогда все было бы проще... но она славный, нежный, порядочный человек... В какое болото я завел ее! У нее никогда не будет ребенка... Она выброшена из госпиталя... Ей негде преклонить голову... Не к кому обратиться за помощью... Что делать в ее положении?

Хочберг. Успокойся, Джордж, мы придумаем для нее что-нибудь.

Фергюссон. Даже если мы и устроим ее на работу... это ей не очень поможет... Есть только один выход... Если она согласится... я... женюсь на ней...

Хочберг. Джордж, опомнись!.. Что ты говоришь? Ты подумал о Лауре?

Фергюссон. Она порвала со мной.

Хочберг (*удивленно*). Как, она знает обо всем?

Фергюссон. Да... я к ней звонил весь вчерашний вечер... даже ночью... Она не захотела подойти к телефону.

Хочберг. Гм... это скверно... Но у тебя остается самое главное — то, что важнее всякой женщины... Твоя работа...

Фергюссон. Но кто же позаботится о несчастной девушке, если не я, виновник всех ее бед?..

Хочберг. Ну, что же... если у тебя есть средства.

Фергюссон. Откуда?

Хочберг. Тогда чем же ты поможешь ей? Каким образом ты позаботишься о ней?

Фергюссон. В крайнем случае я займусь частной практикой.

Хочберг. Неужели ты рассчитываешь, что в течение первых лет своей практики ты сумеешь обеспечить ваше совместное существование?.. Ну, тогда ты не знаешь жизни начинающего врача у нас в Америке.

Фергюссон. Как-нибудь выйбьюсь... Я не боюсь...

Хочберг. Помнишь Левинга? Я получил от него письмо с юга... Стараются обзавестись там новой практикой... Они голодают, Джордж, форменным образом голодают... Он просит меня одолжить ему двадцать долларов...

Фергюссон. Он слабый человек... Я силен... молод...

Хочберг. Наконец, Левинг, по крайней мере, любил свою Кэтти... Но ты не любишь эту девушку... Она — случайный эпизод в твоей жизни... И ты хочешь погубить из-за нее себя... разбить сердце Лауры... отказаться от цели своей жизни...

Громкоговоритель вызывает Хочберга.

Фергюссон (в отчаянии). Что же мне делать? Что делать?

Хочберг (берет трубку). Да... профессор Хочберг... Да... алло... алло!.. Подожди меня внизу, в приемной... или нет... лучше подымись сюда... в сто шестую комнату... Позови дежурного... Послушайте, Джим, проводите эту даму в сто шестую комнату... Да... спасибо...

Фергюссон. Это Лаура?

Хочберг. Да.

Фергюссон. У меня нет сил ее встретить сейчас... Я боюсь говорить с ней...

Хочберг. Не будь ребенком... Ты должен ее видеть и окончательно выяснить ваши отношения...

Фергюссон. Дорогой профессор, я виноват не перед одной Лаурой... Мне стыдно вспомнить про вчерашний день... Я должен был выглядеть очень... неблагоприятным...

Хочберг. Это просто человеческая слабость, Джордж.. стремление жить, только наслаждаясь...

Фергюссон. Я так безумно люблю Лауру... Она полна счастья, радости — всего, чего нехватало в моей трудной жизни... Но в наших условиях отдаться целиком науке — значит отказаться от личной жизни, пожертвовать личным счастьем... Прав бедный Левинг... Вместо служения человечеству эта обстановка обрекает нас, работников науки, на погоню за деньгами, за коммерческим успехом... Для невежды Кунингама это легко и просто... Но для честного врача, честного человека нет выхода... О, проклятая, проклятая жизнь...

Хочберг (мягко). Если ты все еще хочешь работать со мной, мой мальчик... ничего не потеряно...

Фергюссон (качая головой). Нет, потеряно...

Хочберг. Но почему? Если ты понял, наконец, что...

Фергюссон. Я теперь вынужден заняться частной практикой... я уже объяснил вам...

Хочберг. Предупреждаю тебя, Джордж, обдумай хорошенько... Ты пожалеешь...

Фергюссон. Пусть пожалею... Что толку от профессии, которая не может дать человеку куска хлеба, после того, как он потратил на нее десять лучших лет своей жизни? Если не удастся частная практика, то... к черту медицину... займись чем-нибудь другим... и хоть не умру с голода... Я не могу оставить эту несчастную девушку погибать на улице.

Лаура появляется в дверях сопровождаемая санитаром.

Санитар. Сюда, мисс. (Уходит.)

Фергюссон. Доброе утро, Лаура.

Лаура (сознательно игнорируя его, смотрит только на Хочберга). Алло, Хочберг! Вы хотели, чтобы я пришла сюда?

Хочберг. Да... Войди же в комнату, Лаура.

Лаура. Простите, что я беспокою вас так рано.

Хочберг. Это не рано для нас, докторов, Лаура.

Лаура все еще стоит на пороге в напряженной позе.

(Нетерпеливо). Входи же, входи...

Лаура колеблется секунду, затем входит.

Садись...

Лаура. Нет, я спешу, дядя Хочберг... Я только хотела повидать вас ненадолго... и одного...

Хочберг. Да садись же, Лаура...

Лаура (вызывающе). Полагаю, вы очень удивились, когда я исчезла вчера с операции?

Хочберг. Нет, я знаю обо всем...

Лаура. Ах, вы слышали... Забавно, не правда ли?

Хочберг. Не особенно...

Лаура. Ну, что ж! Вы здорово высекли меня... Как и собирались...

Хочберг. Сильнее, чем я имел в виду, Лаура... Я не знал... Прости меня...

Лаура. О, ничего, не беда... Лучше теперь, чем позднее, дядя Хочберг...

Хочберг. Сядешь ли ты, наконец, Лаура?

Лаура быстрым движением садится. Хочберг внимательно глядит на нее.

Ты хорошо проспала эту ночь?

Лаура. Превосходно! Почему бы нет? (Берет в рот сигарету, ищет спичку.)

Фергюссон хочет дать ей коробку, но Лаура делает вид, что не замечает его движения.

Есть огонь, дядя Хочберг?

Хочберг дает ей спички.

Эта история меня очень многому научила... (Закуривает.)

Фергюссон. Мне очень больно, Лаура, что ты чувствуешь себя оскорбленной...

Лаура. А как же, по-вашему, мне следует чувствовать себя?

Фергюссон. Я и не виню тебя.. Я...

Лаура (*насмешливо*). Не вините меня? Как это великодушно с вашей стороны...

Хочберг. Но я не виню и его, Лаура!

Лаура. Для такого поступка нет никаких оправданий, и вы знаете это, Хочберг... Вам не придумать их...

Хочберг. Я и не стараюсь, Лаура... Действительность так непохожа на твои предположения...

Фергюссон идет к двери.

Куда ты идешь?

Фергюссон. В палату.

Хочберг. Подожди минутку.

Фергюссон. Нам больше не о чем говорить, профессор... Лаура абсолютно права...

Лаура (*встает*). Не уходите из-за меня... Мне все равно надо уйти самой... Пора упаковывать вещи... Я уезжаю в Европу сегодня вечером... и... и без мужа... (*Горько смеется*.) Я придумывала планы... волновалась, беспокоилась... Какой же душой я была!

Хочберг. Неужели ты серьезно думаешь, что ему легче, чем тебе?

Лаура (*злобно*). Он позаботится о себе. Такие люди не пропадают...

Хочберг. Тебе, действительно, лучше сейчас уйти домой, Лаура...

Лаура (*теряя самообладание, кричит*). Я считаю это действительно очень подлым поступком!..

Хочберг. Остановись, Лаура, остановись..

Лаура (*в слезах*). Для меня у него нехватало времени... Для меня он был слишком занят... Но у него нашлось время для нее... Вот отчего больно... вот отчего жжет сердце, как огнем...

Хочберг (сочувственно). Я вижу, тебе очень тяжело, Лаура...

Громкоговоритель вызывает Хочберга.

Лаура. Вы, может быть, думаете, что я все еще люблю его? Нет, это чувство выжжено без остатка...

Хочберг. Вот и прекрасно... Тогда тебя, наверное, не огорчит, что... (Подходит к телефону, берет трубку.) Алло!.. Профессор Хочберг. (Лауре.) Что он женится на ней, Лаура...

Лаура. Что?.. Не может быть!..

Фергюссон (умоляюще). Профессор... ради бога... не надо...

Хочберг. И хочет заняться частной практикой... и голодать... и бросить свои занятия... и, может быть, совсем забросить медицину... и погубить свой талант... после десяти лет упорного труда... (В телефон внезапно напряженно.) Да... Что?.. Не может быть!.. Приготовьте шприц кофеина... и шприц адреналина с длинной иглой... Срочно... Сейчас приду... (Вешает трубку и спешит к двери.)

Фергюссон. Вам нужна моя помощь, профессор?

Хочберг. Нет, нет... ты оставайся здесь... (Выбегает.)

Лаура взглядывает на Джорджа, затем идет к двери.

Фергюссон. Лаура!..

Лаура. Что?

Фергюссон. Я не хочу, чтобы ты уходила с горечью в сердце...

Лаура (холодно). Вам-то разве не все равно?

Пауза.

Ведь вы... ты любишь ее, не правда ли?

Фергюссон. Я тебя люблю, Лаура... Одну тебя...

Лаура (с горьким смехом). Конечно... Это видно по твоим поступкам...

Фергюссон (хватает ее за руку). Я знаю, что ты не поверишь мне, Лаура, но это так...

Лаура (кричит). Пусти мою руку... не смей!..
Фергюссон. Прости... (Отворачивается от нее и в отчаянии садится на кровать.)

Пауза.

Лаура. Тогда как же... я не понимаю... (Присаживается около него.) Я не спала ни минуты эту ночь, Джордж... Я старалась разобраться во всем этом... и ничего не могла понять... Если ты действительно любишь меня, как мог ты сделать это?

Фергюссон. Я и сам не знаю, Лаура... Все шло неудачно в тот день... Шесть трудных операций... у меня была ссора с Кунингамом... Потом умер пациент... все это накапливалось во мне, пока я не почувствовал, что моя голова разрывается, — тогда это дитя пришло в мою комнату... за заметками... Она была такая слабая и одинокая... и... что же... после этого я ее больше не встречал... я попросту забыл о ней... Ей следовало прийти ко мне, когда это случилось... но она не пришла. Я должен был бы сам разыскать ее... но я думал... что... что это для нее не имело большого значения... И вот... результаты налицо...

Лаура. Если бы мы вообще значили что-либо друг для друга, ты должен был прийти ко мне и честно рассказать все, как было... Я бы поплакала, и в конце концов простила бы... Так поступают, когда любят...

Фергюссон. Я тоже любил тебя больше всего на свете в тот вечер, Лаура... Но мы поссорились... и ты даже не захотела разговаривать со мной...

Лаура (медленно). Так это было... в тот вечер?

Фергюссон. Да...

Лаура. О-о!..

Фергюссон. Мне не хотелось отказаться от Хочберга... Я не мог отказаться и от тебя... И я боролся с тобой...

Лаура (саркастически). При помощи этой девушки?

Фергюссон. Да...

Лаура (с горьким смехом). И ты еще уверяешь, что любишь меня?

Фергюссон. Если бы я не любил тебя, Лаура, я давно бы бросил все и уехал в Европу, как собирался, прежде чем встретил тебя... Один в Швейцарии я, быть может, действительно, достиг бы значительных результатов.

Лаура. Ну, что же, если это тебе так важно... Почему же ты не поедешь теперь? Меня не будет около тебя... Никто не помешает твоей работе... Поезжай...

Фергюссон не отвечает.

Но ты не едешь... ты собираешься жениться на девушке, которую, по твоим словам, ты даже не любишь... Ты не мог пожертвовать своей работой для меня... для нашей любви... а сейчас собираешься позволить нелепому случаю сломать всё твое будущее...

Фергюссон. Теперь это уже не нелепый случай, Лаура...

Лаура. Прекрасно! Делай свои красивые жесты, женись на ней... И через год вы будете ненавидеть друг друга, как худшие враги...

Фергюссон. Я обязан пойти на этот риск...

Лаура (вызывающе). Ты, очевидно, полагаешь, что ведешь себя смело и мужественно? Ничего подобного, — ты трус и делаешь это потому, что это самый легкий выход... Потому что ты боишься сплетен, разговоров... У тебя просто нехватает силы воли...

Фергюссон (горячо). Нет, Лаура, нет! У меня действительно нехватило силы воли, когда я отказался от возможности работать с Хочбергом... Но теперь у меня нет выбора... Я это делаю потому, что жизнь этой девушки разбита, и я виноват в этом... И теперь я хочу помочь ей собрать осколки и склеить их заново... (Внезапно останавливается, так как замечает, что Лаура плачет.) О Лаура! Не надо...

Лаура (в слезах). Я знала, что тебе было тяжело отказаться от Хочберга, и я не должна была настаивать...

Я была эгоисткой... Но, поверь мне, я это делала только потому, что я так любила тебя и... и... все еще люблю... Как мне тяжело, Джордж!..

Входит медленно Хочберг, его лицо мрачно; он взглядывает на Фергюссона.

Фергюссон (заметив его взгляд, с опасением). Что случилось, профессор?

Хочберг (медленно). Мисс Денинг...

Лаура. Что?!

Хочберг. Умерла.

Фергюссон. Не может быть...

Хочберг. Несколько минут назад...

Фергюссон тупо смотрит на Хочберга, взглядывает на Лауру и внезапно бросается к двери.

(Хватает его за руку и крепко держит.) Ты ничем не сумеешь помочь, Джордж... Закупорка сердечного сосуда послеоперационным кровавым сгустком... Моментадно потеряла сознание... почти мгновенная смерть...

Фергюссон. О!.. (Садится на кровать, спиной к ним.) Только несколькими часами ранее она молила меня спасти ее... Она была так молода... Ей так не хотелось умирать...

Лаура. Не мучь себя, Джордж... Такие вещи могут случиться с каждым...

Фергюссон (поворачиваясь). Неужели ничего нельзя было сделать, профессор?

Хочберг. Я испробовал все... Ввел кофеин, шприц адреналина непосредственно в сердце... Бесполезно... Маленький кровавой сгусток — и мы бессильны... Сорок лет я работаю в медицине... и не смог помочь ей..

Фергюссон. Тогда к чему все это? Отдаешь медицине всю свою жизнь, и, когда нуждаешься в ней больше всего, она оставляет нас беспомощными... Мы ничего не знаем... мы только догадываемся...

Хочберг. Нет ни одного честного врача, Джордж, который не подумал бы так хоть минуту в жизни... Да, ты прав... мы еще гадаем... О многом мы еще только догадываемся... Но, по крайней мере, наши догадки сегодня ближе к истине, чем они были двадцать лет назад, а через двадцать лет они будут еще ближе... Вот в чем цель и смысл нашей жизни, Джордж... Нам столько еще предстоит сделать, и так мало времени отпущено на это... Человеческой жизни никогда нехватает... Правда, Джордж?

Фергюссон (задумчиво). Правда...

Хочберг (медленно идет к двери, останавливается и говорит деловым тоном). Приготовься к операции, Джордж... Сегодня легкий день: всего четыре пациента. Первым пустим маленького итальянца, выправим ему ногу. Затем аппендицит, удаление щитовидной железы и одна потруднее — тяжелая форма язвы желудка... Будь готов. Ровно в десять...

Фергюссон. Слушаю, сэр.

Хочберг уходит. Лаура подходит вплотную к Фергюссону.

Лаура (ласково). Мой дорогой... мне так больно за тебя...

Пауза.

Джордж, уйдем отсюда... Поищем место, где мы сможем поговорить спокойно...

Фергюссон (качая головой, твердо). Нет, Лаура, я принадлежу этому госпиталю...

Лаура. Я знаю... (С надрывом.) Но что же мне делать, Джордж?

Фергюссон. Пойми меня, Лаура... Сейчас ты искренне воображаешь, что смогла бы примириться с моей непрерывной, тяжелой работой в госпитале... Но я знаю тебя лучше, чем ты думаешь... Даже лучше, чем ты сама... И я прекрасно понимаю, что в конце концов мне или придется подчиниться тебе, твоей воле, твоим взглядам на жизнь, или... или ты меня возненавидишь... А я... я не могу одновременно идти двумя путями...

Лаура (глухо). И выбираешь медицину?
Фергюссон (тихо). Да...

Громкоговоритель вызывает доктора Фергюссона.

Лаура. Опять тебя зовут... Так как же, Джордж?
Фергюссон. Прощай...

Лаура (с мольбой). Если ты позовешь меня... я буду
ждать тебя...

Фергюссон отрицательно качает головой. Лаура медленно
уходит.

Фергюссон (пристально смотрит ей вслед, пока она
не исчезает. Громкоговоритель снова вызывает его, он мед-
ленно идет к телефону, берет трубку). Алло!.. Доктор Фер-
гюссон... Кто? Ах, миссис Андриени... Конечно, мальчик вы-
здоровеет, да... Вы не должны плакать, дорогая... не должны
плакать... (Смахивает наверхнувшиеся слезы. Но его голос
по профессиональной привычке звучит твердо и спокойно.)
Мы выправим его ногу сегодня же... Он будет дома через
недельку... Да... Он будет жить... Не плачьте же, матуш-
ка... (Продолжает успокаивать ее, пока занавес медленно
спускается.)

КОНЕЦ

6612

Редактор А. РОТОТАЕВ
Художник Н. ЛОБАНОВ
Технический редактор П. КАЗАРИН

Сдано в набор 1/VIII-1938 г.
Подписано к печати 8.X-1938 г.
Тираж 5000. Бумага 70×108^{1/2}_{вз.}
Колич. бум. л. 1^{3/8} колич. печ. л. 2^{3/4}
Колич. учетн.-авт. листов 3,6
Колич. знаков в печ. лист. 58904.
Индекс № 504. „Искусство“ № 4209.
Уполномоч. Главлита Б-46760
Заказ типографии № 4776

Цена 1 руб. 50 коп.

Отпечатано в типографии изд-ва
„Искусство“ „Красный печатник“
Москва, улица 25-го Октября, д. 5.